

В. ВОРОБЬЕВ

Сказки

ПО МОТИВАМ РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1973 г.

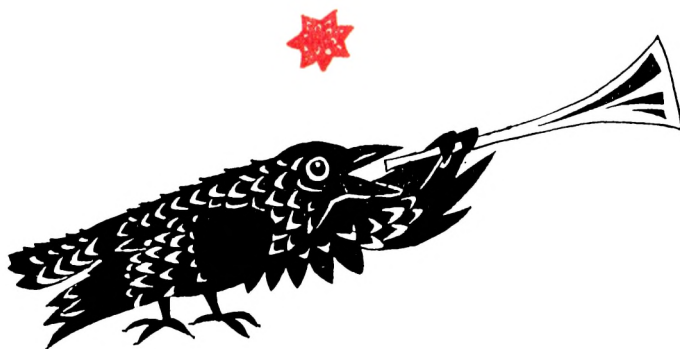

В. ВОРОБЬЕВ

Сказки

ПО МОТИВАМ РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

ХУДОЖНИК
С. МОЖАЕВА

ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА, ПОЛУНОЧКА — БОГАТЫРИ

В одном царстве-государстве жил-был царь-государь. И было у него три дочери, друг на дружку похожие, как три ягодки.

Ни царь, ни даже мамки с няньками отличать их друг от друга не могли. И чтобы не было путаницы, приказал царь дочерям носить на пальчике по колечку.

Одна носила колечко медное, другая — серебряное, третья — золотое. Царь любил каждую дочь одинаково, всех вместе — без меры, без памяти. А чтобы с ними какой беды не случилось, держал царевен в потайных комнатах, за семью замками, у всех дверей стража. И нигде отроду царевны не бывали, света белого не видали.

Вот как-то раз приступили царевны к отцу в три голоса, залились слезами в три ручья:

— Отпусти, государь батюшка, нас хоть в сад погулять.

Царь на слёзные уговоры сдался, отпустил дочек на время короткое в сад погулять. Выбежали сёстры в сад и от радости обмерли, не знают, на что глядеть, что ухватить.

Увидели цветочки лазоревые, кричат:

— Ах, диво дивное!

И ну в охапки цветы собирать!

Подбежали к яблоньке, кричат:

— Ах, чудо чудное!

И ну яблоньку трясти, собирать яблоки!

Целый день царевны резвились, всему дивились, а как стал день к вечеру клониться, повели их мамки с няньками домой. И только они на крылечко — вдруг раздался гром. Покатило, завертело, налетел Чёрный Вихрь, положил деревья плашмя, мамок-нянек раскидал. А царевен подхватил высоко-высоко! И умчал далёко-далёко! Неведомо куда.

Царь день горевал, два тосковал, а на третий объявил князьям и боярам:

— Кто царевен найдёт, из беды вызволит, тому в жёны их отдам и всё царство поделю натрое.

Поскакали князья и бояре во все стороны царевен искать. Всё царство и вдоль и поперёк объездили — не нашли. С тем и к царю вернулись.

Тогда царь повелел клич кликнуть: не возьмётся ли кто из простых людей царевен отыскать, из беды вызволить?

А в то время жила в одной деревеньке бедная вдова. И было у неё три сына — могучих богатыря. Все они родились в одну ночь: старший с вечера, средний в полночь, а меньшей на ранней утренней заре. И называли их потому Вечорка, Полуночка, Зорька.

Как прослышали они царёв клич, отправились в столицу. И матушку с собой взяли.

Вот пришли они к царю и говорят:

— Мы царевен пойдём искать, а ты, государь, нашу матушку к себе возьми. Одну её на беду-нужду мы не оставим.

Царь ответил:

— Будь по-вашему. А чем вас ещё на дорогу пожаловать?

— А ещё нам надобны кони по нраву и оружие по силе-сноровке.

— Будь по-вашему,— отвечал царь.— Возьмите коней из моих табунов, из моих кладовых оружие, какое кому по силе-сноровке.

Выбрал Вечорка из царских табунов коня серого, Полуночка — вороного со звездой во лбу, Зорька выбрал коня белого с гривой до земли.

Взял Вечорка из царских кладовых острый меч, Полуночка — тяжёлую палицу, Зорька — тугой лук с калёными стрелами.

Потом обнялись братья с матушкой, поклонились царю и отправились в путь-дорогу, царевен отыскивать.

И своё государство обширное проехали богатыри из конца в конец, и другие многие королевства из края в край. И везде добрых людей спрашивали:

— Не промчался ль тут Чёрный Вихрь? Не проносил ли трёх царевен с собой?

В одних местах отвечали им:

— Промчался Вихрь, поломал сады, загубил хлеба, а царевен с ним не было.

В других местах жаловались:

— Пронёсся Вихрь, разметал стога, разогнал стада, а царевен при нём не видали.

В иных царствах люди плакались:

— Пролетел Вихрь, кораблей потопил бессчётно. А царевен, однако ж, с ним не было.

Едут, едут Вечорка, Полуночка, Зорька. На все стороны поглядывают.

Вот проехали они степь широкую и лес дремучий, увидели возле речки избушку.

— А не пора ли нам, братцы, отдохнуть? — сказал Вечорка.

И пот со лба рукавом утёр.

— А не пора ли и выспаться? — сказал Полуночка. И в рукав зевнул.

— Самый раз, братцы, выкупаться! — сказал Зорька. И сладко в седле потянулся.

Сошли братья-богатыри с коней. Вошли в избушку. Там нет никого. Стали сами хозяева и дали себе сроку три дня отдыхать.

В первый день младший брат, Зорька, говорит среднему, Полуночке:

— Ты, брат, оставайся дома, а мы вдвоём пойдём на охоту.

Так и сделали.

Вечорка с Зорькой на охоту ушли, а Полуночка завалялся спать. Да не успел Полуночка первый сон досмотреть, как вдруг застучало, загремело, отворилась дверь, и вошёл старичок. Сам с ноготок, борода с локоток.

Глянул старичок на Полуночку, закричал сердито:

— Как ты смел в моём доме хозяйничать! Как посмел на моей лавке спать!

Отвечал ему Полуночка:

— Ты прежде вырасти, а то тебя от земли не видать.

— Я мал, да удал! — вскричал старичок с ноготок, борода с локоток.

И прыг на стол.

— Экий удалец-молодец выискался! — стал смеяться над ним Полуночка. — Если бы щи были, я бы тебя во щак утопил. Если б каша была — с кашей съел!

А старичок с ноготок прыг Полуночке на голову, да как хватит кулачком в темя! Богатырь — с лавки на пол и лежит без памяти.

Очнулся Полуночка, глядит: нет старичка. А у самого голова болит, раскалывается. «Старичок с ноготок не во сне мне приснился», — рассудил Полуночка.

Пришли с охоты Зорька с Вечоркой, видят: Полуночка всё за голову держится.

— Ты что, брат, за голову держишься? — спрашивают они.

Полуночка правду сказать стыдится, отвечает:

— Заспался я, братцы. Оттого, наверное, голова болит.

На другой день Полуночка с Зорькой на охоту пошли, Вечорку дома оставили, обед варить. Зорька в лесу стрелы пускал, Полуночка дичь подбирал. А Вечорка тем временем в избушке хозяйничал: печь истопил, мясо сварил. И завалился спать.

Не успел Вечорка второй сон досмотреть, как вдруг застучало, загремело, отворилась дверь, и вошёл старичок. Сам с ноготок, борода с локоток.

Глянул старичок на Вечорку, закричал сердито:

— Как ты смел в моём доме хозяйничать! Как посмел на моей лавке спать!

Отвечает ему Вечорка:

— Прежде вырасти, а то тебя от земли не видать.

— Я мал, да удал! — вскричал старичок с ноготок, борода с локоток.

И прыг на стол.

— Смотри, какой удалец нашёлся! — стал Вечорка над ним потешаться. — Вот потяну носом — втяну в ноздрю, а чихну — тебя ветром сдует!

Старичок с ноготок прыг Вечорке на голову да как хватит кулачком в темя! Богатырь — с лавки на пол и лежит без памяти.

Очнулся Вечорка, глядит: нет старичка. «Вот отчего у Полуночки голова болела», — смекнул Вечорка.

Когда братья с охоты вернулись, глядят: у Вечорки голова тряпицей повязана.

— Ты что, брат, голову обвязал? — спрашивают они.

А Вечорка тоже правду сказать стыдится, отвечает:

— Эх, братцы, топил я печку, да, зная, от великого жару разболелась у меня головушка. Давайте завтра мы с Полуночкой пойдём на реку рыбу ловить, а Зорька пусть дома останется.

Назавтра отправились Вечорка с Полуночкой рыбу ловить, а Зорька тесто завёл, печь истопил, пирогов на-

пёк на сегодня и впрок: скоро ведь опять в поход пускаться — царевен искать.

И только Зорька управился, как вдруг загремело, застучало, отворилась дверь, и вошёл старичок. Сам с ноготок, борода с локоток.

Глянул старичок на Зорьку и закричал сердито:

— Как ты смел в моём доме хозяйничать!

Зорька ему говорит:

— Прости, дедушка великан, что я без спросу у тебя в избе хозяйничал. Кабы знал, позволения у тебя спросил.

Старичок с ноготок на стол вскочил и кричит:

— Ты смеёшься или правду говоришь?

Зорька ему отвечает:

— Не до смеху мне, дедушка великан. Ты меня, если вздумаешь, в муку сотрёшь, в пирог запечёшь. Вон ты какой сильный!

А старичок с ноготок опять кричит:

— Ты смеёшься надо мной или правду говоришь?

Зорька отвечает ему:

— Не до смеху мне, дедушка великан, как бы и у меня головушка не разболелась.

Тут старичок с ноготок весело глянул, бороду погладил и говорит:

— А ты, видать, догадливый! Сказывай, куда с братьями путь держите.

Зорька и говорит ему:

— наших царевен Чёрный Вихрь утащил. Едем их вызвать, да не знаем, где искать.

— Ладно! Я тебя научу, где царевен искать,— сказал старичок с ноготок и спросил:— Ты стрелой в муху попадёшь?

— Попаду,— отвечает Зорька.

Старичок тогда и говорит:

— Поезжай с братьями на восток. Да глядите во все глаза. Увидите в небе коршуна. Он Чёрному Вихрю служит, добро его сверху сторожит. Вихрь ему за это три жизни дал. Станет коршун над вами кружить. Ты ударь его

стрелой. Обернётся коршун вороном. Ударь стрелой в ворона. Обернётся ворон мухой. Ударь стрелой в муху. Где муха упадёт, там будет яма, а из ямы в три неведомых царства ход. В тех неведомых царствах три чудища живут. Они Чёрному Вихрю служат, добро его снизу сторожат. У них по одной жизни только. Если чудищ одолеете — царевен вызволите, а не одолеете — сами там навеки останетесь.

И только старичок с ноготок, борода с локоток эти слова договорил — мигом скрылся, как в щель провалился.

Дождался Зорька братьев и смеётся:

— Знаю теперь, отчего у вас головушки болели!

И рассказал им, о чём старичок с ноготок ему поведал.

На другой день чуть свет оседлали богатыри коней и поехали на восток.

Вот едут они и день и два. Устали на небо глядеть. Да вдруг увидели: тень чёрная по земле перед ними бежит. Подняли головы — коршун в небе над ними кружит.

Натянул Зорька тугой лук, пустил стрелу в коршуна. Она в коршуна ударила — обернулся коршун вороном. Ударил Зорька стрелой в ворона — обернулся ворон мухой. Ударил Зорька стрелой в муху — раздался гром. Где муха упала, разверзлась земля ямой.

Спустились братья в яму. Много ли, мало ли прошли они под землёй, не считали, не меряли, а только вдруг очутились в царстве неведомом.

Осмотрелись, пригляделись богатыри. Видят: куда ни ступи, за что ни возмись — всё из меди. Трава медная не колышется. Земля медная под ногой гудит.

— Экое, братцы, богатство! — сказал Вечорка. — Сколь из всего этого медных пятаков наделать можно!

Только у братьев на душе невесело. Не слышать тут птичьего пения, не доносится ничьего дыхания. Не видать ни одной живой души. Небо тяжёлое, медное, а в нём солнце медное тускло светится.

Вот попались на пути мужики-косари. Подошли к ним, а они медные! Стоят медные мужики с медными косами на отлёт и не шевелятся.

Потом повстречали детишек с лукошками. Детишки застыли медные. В медных лукошках у них медные ягоды.

Затосковали братья-богатыри в медном царстве. Так и пошли бы отсюда прочь, да нельзя: надо царевен сначала вызвать.

Вот увидели они медный шалаш. Только хотели к нему подойти, вдруг откуда ни возьмись — перед ними чудище: змей не змей, зверь не зверь. На змеиной голове рога звериные. Из пасти дым с огнём валит. Глазища горят пожарищем. Хвост добела калёный вьётся кольцами, сыплет искрами.

— Ну, хоть этот живой! — обрадовались братья. — Отдай, чудище, царевен или биться будем!

— Со-ожг-у-у-у! — загудело, завывало чудище.

И на богатырей двинулось.

Шагнули братья ему навстречу. Зорька лук тугой натянул — ударил стрелами в глаза чудищу. Угасло в глазах пожарище. Вечорка острым мечом махнул — отрубил рога звериные. Полуночка тяжёлой палицей разбил голову змеиную. В последний раз огнём пыхнуло чудище — и нет его. Лишь кострище на том месте тлеет.

А царство медное живым вдруг обернулось. Мужики-косари живёхоньки. Машут косами быстрёхонько. Зелёную травушку косят. И ребятишки бегут, смеются. В лукошках у них земляника.

А из шалаша травяного царевна идёт, только-только ото сна. У неё на пальчике колечко медное.

Царевна богатырей спрашивает:

— А где мои сёстры?

Зорька и говорит:

— Ты, царевна, нас здесь подожди. А мы пойдём за твоими сёстрами.

Послушалась царевна, ушла в шалаш. А Зорька, Вечорка и Полуночка дальше отправились.

Много ли, мало ли они прошли — очутились вдруг в царстве серебряном: куда ни ступи, что ни возьми — всё из серебра.

Трава серебряная не колышется. Земля серебряная под ногой звенит.

— Экое, братцы, богатство! — воскликнул Полуночка. — Сколь из всего этого серебряных рублей наделать можно!

Только у братьев на душе невесело. Не слышать тут птичьего пения, не доносится ничьего дыхания. Не видать ни одной живой души. В небе холодном солнце серебряное мертво светится.

Вот попалось им на пути озеро. Подошли — а оно серебряное.

Застыла в серебряном озере ладья серебряная. В ней рыбаки серебряные будто сети вытягивают, а сами не шевелятся. На берегу ребятишки застыли серебряные. Будто брызжутся они водой, а брызги серебряные над ними висят, не падают.

Затосковали братья-богатыри в серебряном царстве. Так и пустились бы отсюда прочь, да нельзя: надо царевен сначала вызволить. Вот увидели они домик серебряный. И только хотели подойти, вдруг откуда ни возьмись — чудище! Зверь не зверь, рыба не рыба. Пасть звериная, глаза рыбы. Лапы звериные, хвост рыбий. И всё брюхо в костяной чешуе.

— Ну, хоть этот живой! — обрадовались богатыри. — Отдавай царевну, чудище, или биться будем!

— Сожру-у-у! — завыло, загудело чудище.

И на богатырей двинулось.

Шагнули братья ему навстречу. Зорька лук тугой натянул — ударил стрелой в рыбий глаз чудища. Вечорка острым мечом махнул — рассёк брюхо в костяной чешуе. Полуночка тяжёлой палицей хватил по звериной пасти. Шевельнулось чудище в последний раз — и нет его. Только груда костяной чешуи на том месте лежит.

А царство серебряное живым, озёрным обернулось.

Мужики-рыбаки живёхоньки. Тянут сеть в ладью быстрёхонько. Ребятишки возле бережка плещутся, брызги над ними летят.

А из домика царевна идёт, только-только ото сна. У неё на пальчике колечко серебряное.

Царевна богатырей спрашивает:

— А где мои сёстры?

Зорька ей и говорит:

— Ты, царевна, нас здесь подожди. Скоро ты со своими сёстрами свидишься.

Послушалась царевна, ушла в дом. А Зорька, Вечорка и Полуночка дальше отправились.

Ни много, ни мало они прошли и очутились в царстве золотом: куда ни ступи, что ни возьми — всё из золота. Золотая трава не колышется. Золотая земля под ногой звенит.

— Экое, братцы, богатство! — вскричали Вечорка с Полуночкой. — Сколь из всего этого золотых монет наделать можно!

Только у братьев на душе не весело. Не слышать тут птичьего пения, не доносится ничьего дыхания. Не видать ни одной живой души. А с жёлтого неба рыжее солнце недобро глядит. Вот попались им на пути мужики-лесорубы. Подошли — а они золотые. Стоят с топорами золотыми на отлёт и не шевелятся.

Потом повстречали детишек с лукошками. Детишки стылые, золотые. А в золотых лукошках у них золотые грибы.

Затосковали братья-богатыри в золотом царстве. Так и бросились бы отсюда, да нельзя: надо третью царевну вызволить.

Вот увидели они золотую избушку под золотым дубом. И только хотели к ней подойти, вдруг откуда нй возьмись — перед ними чудище! Змей не змей, зверь не зверь. И рыба не рыба, и птица не птица, а всё сразу тут: голова змеиная, пасть звериная. Глаза птичьи, хвост рыбий. На задних лапах чудища когтища, на передних — копытища. А по бокам туловища костяные крылья.

— Ну, хоть этот живой! — обрадовались братья. — Отдай, чудище, царевну или биться будем!

— Проглочу-у-у! — завыло чудище.

Шагнули братья ему навстречу. Зорька лук тугой натянул — пустил стрелу в птичий глаз чудища. Вечорка острым мечом махнул — отсёк костяные крылья. Полуночка тяжёлой палицей ударил в голову. Упало чудище — и нет его, только куча кожи на том месте смердит.

А царство стылое, золотое живым, лесным обернулось. Му-

жики-лесорубы живёхоньки. Топорами машут быстрёхонько — зелёные дубы рубят. Детишки бегут с лукошками. В лукошках у них грузди!

А от избушки царевна идёт, только-только ото сна. У неё на пальчике колечко золотое.

Царевна богатырей спрашивает:

— А где мои сёстры?

Зорька ей и говорит:

— Ступай, царевна, с нами. Тебя сёстры ждут, и ба-
тюшка ждёт не дождётся.

Обрадовалась царевна, лесное царство скатала в яичко и пошла с богатырями. Да ходить подолгу она не умела. Зорька взял её на руки.

Вот зашли за царевной с колечком серебряным, потом за царевной с колечком медным. Они царства луговое с озёрным скатали в яички и с собой взяли.

Прошло времени ни много ни мало — выбрались богатыри с царевнами из ямы на белый свет. А там их кони ждут, землю копытами бьют: серый — Вечоркин, вороной — Полуночкин, белый — Зорькин, богатыря.

Сели братья на коней, сестёр-царевен подхватили: Вечорка — царевну с медным колечком на пальчике, Полуночка — царевну с колечком серебряным, Зорьке досталась с колечком золотым.

И как ни долго они ехали, а домой в своё царство приехали.

Царь увидел дочерей — чуть от радости не помер. Тотчас к свадьбе приказал готовиться. А братьям-богатырям велел в жёны выбрать сестёр, кому какая понравится. Да вот задача: как из них выбирать, если они друг на дружку похожи, будто три ягодки?

А царевны были с лукавинкой. Руки за спину поскорей спрятали и стоят посмеиваются: выбирайте, мол, как знаете.

Ну, да матушка сыновей выручила. Она стала позади одной царевны и украдкой пятак медный показала. За

другой показала рубль серебряный. А за третьей — золотую монетку.

Тут братья-богатыри и смекнули, какое у которой колечко на пальчике. Каждый выбирал ту, которую на руках нёс да в седле вёз. Они друг дружке ещё в пути приглянулись.

После свадьбы не пришлось царю делить своё царство натрое. Раскатали царевны три царства из яичек — луговое, озёрное и лесное. В них и стали богатыри с царевнами жить-поживать, а матушка с царём в гости к ним наезжать.

Кто в тех царствах бывал, тот видал: тамошний народ всё нет-нет да на небо поглядывает. Вихря Чёрного боится.

.

СКАЗКА О МОЛОДЦЕ- УДАЛЬЦЕ И ЖИВОЙ ВОДЕ

Жил-был царь-государь с тремя сыновьями-царевичами. Один царевич — Алексей. Другой царевич — Евсей. А третий — Иван-царевич.

Во всём царстве умней царевича Алексея никого не было. Даже сам государь с боярами ему в рот глядели, совета спрашивали.

Во всём государстве хитрей царевича Евсея никого не было. Даже купцы-лавочники, менялы-обиралы жаловались:

— У царевича Евсея от хитрости в глазах синё!

А про Ивана-царевича братья его говорили:

— Он у нас дурак.

Это потому, наверно, что Иван-царевич вина не пил, старших братьев не хвалил, красных девиц пряниками не одаривал.

Так бы и жили все: царь с боярами сидел бы на пирах,

старший брат ходил бы в мудрецах, средний — в хитрецах, Иван-царевич — в дураках. Да случилась в царстве беда. В одночасье все колодцы высохли. Все ручьи и реки утекли. Родники в землю ушли.

Непоеная скотина ревмя ревёт. У бочек с квасом драка идёт.

А как пиво и квас выпили, стал народ разбегаться кто куда. А бежать-то и некуда. Везде сухо!

Царь с боярами к царевичу Алексею пошли, говорят ему:

— Спасай, царевич, царство! Придумай что-нибудь. Ты у нас умный!

Царевич палец ко лбу приставил и придумал:

— Копать колодец три сажени вширь, три версты вглубь. Непременно до воды доберёмся.

Приказал царь рыть колодец прямо на площади. А сам на крыльцо сел, и бояре тут.

Народу сбежалось на площадь видимо-невидимо! Нашлись и охотники небывалый колодец рыть. Всё силачи, ловкачи, работнички. В три дня выкопали колодец — три сажени вширь, три версты вглубь. А воды в нём нет!

Тогда бросились царь с боярами к царевичу Евсею:

— Спасай, Евсеюшко, царство какой ни на есть хитростью. Ты у нас хитрый!

Царевич Евсей прищурился и говорит:

— Надо своё царство сухое продать, а другое, хорошее, купить.

Призадумались царь с боярами: «Государство можно и продать, да куда людишек девать? Им есть-пить всё равно надо!».

А тем временем скотина непоеная ревмя ревёт. Возле царского трона драка идёт: бояре последний ковшик квасу делят.

Выпили квас — принялись за вино.

Глядя на бояр, и народ стал вино пить, скотину и птицу домашнюю вином поить. Пить-то ведь всё равно больше нечего.

А как напились все вина хмельного — повалились спать кто где был. Кто в доме, кто в хлеву, кто прямо на улице.

Всё царство вповалку лежит. До самого неба храп стоит. Тут не хочешь спать, так уснёшь. Повалились царь с хитроумными сыновьями-царевичами прямо на трон и тоже уснули. Друг на дружку повалились бояре, спят. Царь с царевичами посапывают, бояре им во сне подсвистывают.

Только Иван-царевич вина не пил и спать не стал. Вышел он, сел на крыльцо и пригорюнился. Горько на сухое царство смотреть, а на пьяное и вовсе бы глаза не глядели!

И вспомнил тут Иван-царевич про чёрного ворона.

Побежал Иван-царевич в царские покои. Там в клетке чёрный ворон сидел. Его недавно охотники изловили. Просил ворон охотников человеческим голосом его на волю отпустить. «Мой, говорит, старший брат в беду попал, его злой колдун в коня заколдовал. Надобно мне его выручить». А охотники говорящую птицу не выпустили, отнесли царю, чтобы он их деньгами наградил.

Человеческими словами просил ворон царя на волю его пустить: «Мой старший брат в беду попал, надо мне его выручить». А царь ворона не отпустил, велел в золотую клетку его посадить, чтобы перед послами иноземными говорящей птицей хвастаться. Разобиделся тогда чёрный ворон на всех людей и больше ни слова не вымолвил, как его царь ни просил, чем ему ни грозил.

Вот прибежал Иван-царевич к чёрному ворону, говорит:

— Ворон, ворон, мудрая птица! Вымолви слово. В нашем царстве беда. Все реки с ручьями утекли, все озёра высохли, родники ушли в землю. Скоро все помирать начнём.

Ворон чёрным глазом на Ивана-царевича зло взглянул, ничего не сказал.

А Иван-царевич его опять просит:

— Ворон, ворон, мудрая птица! Вымолви слово, научи, как воды добыть, как народ от гибели избавить.

Чёрный ворон ещё злее на Ивана-царевича чёрным оком глянул, ни полслова не вымолвил.

Тогда Иван-царевич и говорит:

— Знаю, ворон, ты на людей в обиде. Так и быть, отпущу тебя на волю. Зачем тебе с нами помирать!

И открыл дверцу золотой клетки.

А чёрный ворон из клетки вышел, крылья расправил и человеческим голосом сказал:

— Ты, царевич, добрый. Как беду избыть, как воды добыть, тебя мой старший брат научит. Он триста лет живёт, всё на свете знает. А сейчас возьми меч-кладенец, садись на коня и скачи на дальние болота. Да спеши, а то меня не застанешь.

Ворон глазом сверкнул, крылом махнул и вылетел в окошко.

Иван-царевич меч-кладенец взял, хотел в царской конюшне коня выбрать, а они все вином напоенные лежат вверх копытами.

У Ивана-царевича с досады из глаз слёзы брызнули. Ударил он шапкой оземь и во весь дух припустил бегом.

Прибежал царевич на дальние болота — ноги подкосились, в ушах звон, из носу кровь. А на болотах от гама птичьего стон стоит. Высохли болота, собрались птицы улетать. Собралось их тут черным-черно, белым-бело. Тут и гуси серые, и лебеди белые, и чёрные грачи. И утки с куликами, и цапли с журавлями. А на высокой кочке ворон сидит, воеводой глядит, на всех покрикивает.

Ворон Ивана-царевича похвалил:

— Ты, царевич, молодец! Без коня, а поспел.

И велел ему сеть из болотной сухой травы поскорей сплести.

Принялся Иван-царевич за дело не мешкая. Плетёт он сеть, а у самого слёзы на глазах: руки работать не умеют, болят. Однако сеть Иван-царевич сплёл, а ворон его похвалил:

— Ты, царевич, молодец! Без привычки, а с работой управился.

Потом крикнул ворон птицам водяным по-птичьему, а царевичу велел в сеть забраться. И только Иван-царевич в сеть травяную влез, опустилась стая серых гусей слева, стая белых лебедей справа. Подхватили птицы сеть с Иваном-царевичем и взмыли в небо.

Со страху царевич и глаза закрыл. А как осмелился вниз взглянуть — весело ему стало. Города и сёла — будто на ковре вышиты, домишки крохотные, людишек едва видать.

Коротко ли, долго ли несли птицы Ивана-царевича, а только солнышко два раза слева вставало, справа опускалось.

И вот, наконец, сели птицы перелётные неведомо где, в незнакомой стороне, на озёрах многоводных, в зелёных берегах.

Иван-царевич из травяной сети выпростался, стал ворона звать. Прилетел к нему ворон и говорит:

— Пойдём, царевич, на большую дорогу. Дождёмся, когда витязи мимо поедут. Ты добудь у них коня. Только не бери коня ни серого, ни белого, ни буланого. А возьми коня чёрного, в золотой сбруе.

Пришёл Иван-царевич на большую дорогу, сел под придорожный дуб. Ворон — на сук. Ждут.

Вот едут четыре витязя.

Первый витязь — с длинным копьём, алым пером, на белом коне.

Второй витязь — с длинным копьём, белым пером, на сером коне.

За ним витязь с длинным копьём, зелёным пером, на буланом коне.

Позади витязь с длинным копьём, чёрным пером, на вороном коне. А к седлу белый лебедь приторочен.

Иван-царевич этому витязю дорогу заступил и говорит:

— Отдай, витязь, мне своего коня или биться будем. И меч-кладенец из ножен достал.

Три витязя коней придержали, а этот на Ивана-царе-

вича копьём устави́лся. Взмахнул царевич мечом-кладенцом, рассёк древко пополам.

Взялся витязь за меч, хотел Ивана-царевича конём стоптать, мечом изрубить. Не стал конь топтать Ивана-царевича, а меч выбил царевич из рук витязя. Тот гневом вскипел, поднял палицу тяжёлую. И быть бы Ивану-царевичу мёртву, да он от палицы увернулся и витязя в седле мечом достал.

Упал витязь с вороного коня. Медный шлем откатился, отлетело чёрное перо. Да только глядит Иван-царевич: вместо витязя убитого дохлый боров лежит. Вместо чёрного пера головёшка чадит. А конь чёрным вороном обернулся и взлетел на дуб. А белый лебедь, как оземь ударился, обернулся девицей небывалой красоты. Коса русая до пят, глаза — омуты синие, брови — стрелами вразлёт.

Оглянулся Иван-царевич — трёх витязей нет как не было. А чёрный ворон говорит Ивану-царевичу:

— Ты, царевич, сам того не зная, великое дело сделал: от этого колдуна царь-девицу спас и её советчика — брата моего старшего. Злой колдун царь-девицу в лебедя обратил за то, что замуж она за него не пошла. А брата мо-

его старшего обратил в коня за то, что был её советчиком.

— А где витязи? — спросил Иван-царевич.

— Да их и не было, — ответил старший ворон. — Колдун их выдумал и впереди себя пустил.

Подошла тут к Ивану-царевичу царь-девица и говорит:

— Чем тебя благодарить?

А у Ивана-царевича и язык отнялся. Никогда ещё он красы такой не видал.

Тогда младший ворон и говорит:

— У царевича беда великая. В его царстве реки утекли, озёра высохли. Родники в землю ушли. Надобно царевичу живой воды добыть, сухое царство оживить.

Улыбнулась царь-девица светло и сказала ласково:

— А вот мы советчика моего, ворона старого, спросим. Он всё на свете знает.

Старый ворон сказал:

— Далеко, царевич, живая вода. За семью лесами, за семью морями, за горячей рекой, в потайном роднике. Но добыть её можно, если две волшебные горошины тебе царь-девица даст.

На такие слова своего советчика, ворона старого, царь-девица отвечала:

— Дам я тебе, царевич, две горошины. Только должен ты за это у меня погостить.

Махнула царь-девица платочком — и мигом очутились все на широком лугу, в царь-девицыном царстве. На лугу войско стоит. Всё войско, и конное, и пешее, — из одних девиц. И все как одна красавицы. А оружие у них лёгкое — у кого веник, у кого помело.

— Пожалуй, царевич, в мою столицу, — сказала царь-девица.

А там уж превеликий праздник. Народ бежит царь-девицу встречать. Одни других спрашивают:

— Кто царь-девицу от злого колдуна отнял?

Им говорят:

— Вон царевич Иван со своим вороном-советчиком!
А Иван-царевич едет удивляется: мощёны улицы серебром, крыты крыши золотом.

Вот привела царь-девица Ивана-царевича в свой дворец, и началось веселье. Известное дело: где девицы в царницах, там и танцы с музыкой.

Хочешь не хочешь, а пришлось Ивану-царевичу три дня и три ночи плясать. А после и говорит ему царь-девица:

— Не хочешь здесь гостем быть, оставайся хозяином. Я за тебя замуж выйду.

— Не до свадьбы мне,— ответил Иван-царевич.— В моём царстве беда.

Видит царь-девица, что царевича ей не переломить, залилась слезами и всему войску плакать велела.

А потом дала она Ивану-царевичу две горошины и сказала:

— В чистом поле брось горошину — и очутишься за семью морями, за семью лесами. Другую горошину брось, когда станет тебе хуже некуда.

Поклонился Иван-царевич царь-девице, попрощался с её войском девичьим и старым вороном-советчиком.

А чёрный ворон, младший брат, расстаться с Иваном-царевичем не захотел.

— Поедем,— сказал он,— за живой водой вместе.

Не стал ждать Иван-царевич, когда серебряные мостовые от слёз высохнут — поскакал в чистое поле. Там бросил он горошину и очутился неведомо как, неведомо где, за семью морями, за семью лесами.

Теперь надо было реку горячую переплыть.

Озирается Иван-царевич, оглядывается — не видать никакой реки. Только лес вокруг стоит, деревьями шумит.

— Полетай, ворон, окрест, погляди, не увидишь ли реку горячую, да посмотри, где перевоз,— сказал Иван-царевич.

Поднялся ворон выше леса и назад летит, Ивану-царевичу говорит:

— Не видать нигде ни реки, ни перевоза, а стоит не-
вдалеке избушка.

Вот приехали они на поляну, видят: на курьих нож-
ках избушка стоит, из окошка Баба Яга глядит. Увидала
Баба Яга гостей незваных, выбежала на крыльцо, да как
клюкой каменной застучит, ногой костяной затопает! Кос-
мами седыми она трясёт, зубами железными звенит!

Даже конь под Иваном-царевичем в страхе попятился.

А потом вдруг села Баба Яга на крылечко и спра-
шивает:

— Или я, царевич, не страшная?

Иван-царевич ей в ответ:

— Не возводи на себя, красавица, напраслину. Я царь-
девицу видал — на что хороша, а до тебя ей далеко!

Баба Яга как сидела — так и свалилась от хохоту. И
каталась она по земле, и смеялась она до слёз, до икоты,
до слезливого шёпота.

Иван-царевич, на неё глядя, и сам смеяться стал.

— Ух, насмешил! — сказала Баба Яга. С земли под-
нялась, глаза вытерла и говорит: — Про твою беду мне ве-
домо. Только живой воды тебе не добыть, сухое твоё цар-
ство не спасти.

— Отчего так? — спросил Бабу Ягу Иван-царевич.

— Оттого, что потайного родника с живой водой не
отыщешь. Я сама на три сажени в землю вижу, а найти
его не сумела.

— Ничего, красавица, — говорит Иван-царевич, — ска-
жи тогда, где горячая река течёт.

— Поезжай, царевич, прямо, — ответила Баба Яга. —
Сразу за лесом и увидишь горячую реку. Течёт она смо-
лой, горит жарким пламенем. Самому тебе её не пере-
плыть, ищи перевозчиков.

На прощанье Баба Яга костяная нога сказала:

— Ты со мной пошутил — и я с тобой пошучу. Обер-
нётся твой конь жеребёнком, а ворон воронёнком.

Погрозил кривым пальцем и в избушку убежала.

Вот едет, едет Иван-царевич на коне, с чёрным воро-

ном на плече, невесёлую думу думает. Как-то там, в сухом царстве? Все ли живы или все померли?

Наконец приехал к реке горючей. Течёт река смолой, горит жарким пламенем. На берегу перевозчиков толпа стоит.

Ворон к перевозчикам пригляделся и сказал Ивану-царевичу на ухо:

— Ты, царевич, ни с кем не говори, а говори с тем, который в сторонке стоит, посмеивается.

Подбежали тут перевозчики.

— Здравствуй, добрый молодец!— кричат.

А сами, видать, лихие люди. Серьга в ухе, нож за поясом. И все, как есть, однорукие.

Ни с кем не стал говорить Иван-царевич, а подъехал прямо к молодцу, что в сторонке стоял, посмеивался.

— Ты над однорукими старший? — спрашивает его Иван-царевич. — Какая плата за переезд?

— Правую руку тебе отсечём, вся и плата. Нас тут двадцать разбойников, ни у кого правой руки нет. Так пускай и у тебя не будет.

Тут ворон незаметно Ивану-царевичу сказал:

— Соглашайся, царевич. Только, чтобы старший здесь оставался, а плату чтоб на той стороне платить.

— Быть по-твоему,— сказал громко Иван-царевич старшему над однорукими.— Только ты сам тут оставайся, а платить на той стороне буду.

Вот переехали на ту сторону. Приступают перевозчики-разбойники к Ивану-царевичу с ножами, кричат:

— Плати, добрый молодец, за переезд! Давай твою правую руку.

А ворон царевичу тихонько говорит:

— Вели сперва ножи показать для выбора, а сам их через плечо кидай. Когда все перекидаешь, берись за меч.

Иван-царевич и говорит разбойникам:

— Чтоб мучаться меньше, выберу нож поострее.

Разбойники ему свои ножи дали, глазами посверкива-

ют, серьгой в ухе помахивают. А Иван-царевич ножи пробует, да через плечо покидывает, приговаривает:

— Этот тупой, этот не остёр, а этот с зазубриной.

Перекидал он все ножи и за меч свой взялся. Показались разбойничьи головы.

Снова сел Иван-царевич в седло, а ворон — ему на плечо.

Ехали, ехали, совсем было духом пал Иван-царевич, да вдруг слышит, пчела над ухом жужжит:

— Не туж-жи, царевич! Покаж-жем тебе, где ж-живая вода.

Обрадовался Иван-царевич, протянул ладонь пчёлке. Та села на неё, крылышки поправила, лапками посучила, и вышел у неё с царевичем уговор: Иван-царевич от пчелиного дупла медведя-вора отвадит, а пчёлы ему потайной родник с живой водой укажут. Они сами из него воду берут, когда хлеба пекут. Оттого и род пчелиный не переводится.

Ухватила пчёлка белую пушинку и полетела. Пушинку хорошо видать. Куда она — туда и царевич на коне, с чёрным вороном на плече.

Вот объехали лопухи, миновали куст черёмуховый, проскакали мимо кочки и возле дуба встали. А медведь на том дубе сидит и мёд пчелиный из дупла выгребает. Не столько мёду ест, сколько детвы пчелиной губит.

Ворон нарочно громко Ивану-царевичу говорит:

— Какой казнь прикажешь вора-медведя казнить? Огнём спалить? Или живьём сварить? Или только шкуру с него спустить?

Испугался вор-медведь, никакой казни принимать не захотел и зарок дал никогда на этот дуб не лазить.

Отпустил Иван-царевич медведя и велел пчёлам дорогу к роднику потайному показывать.

Полетели пчёлы, полетели, клубочком, весёлой тучкой, и привели Ивана-царевича к потайному роднику в густых лопухах. Рядом ковшик лежит.

Ворон-советчик и говорит:

— Дай-ка мне, царевич, этой воды ковшичек.

Зачерпнул Иван-царевич светлой воды ковшичек и ворону подал. Тот отпил глоток — заблестели на нём перья чёрной смолой. Отпил ещё — приподнялись плечи, загорелись чёрным пламенем глаза. На сто лет помолодел ворон. И не надо бы больше пить, да молодой ворон ещё отпил... и стал вдруг маленьким воронёнком.

Посмеялся и погоревал Иван-царевич, да делать нечего, надо думать теперь, как живой воды в сухое царство доставить. Оглянулся Иван-царевич, а перед ним не конь стоит, а жеребёнок ножками семенит. Пока он ворона поил да в кубышку воду наливал, конь из родника напился.

Однако тут бранить было некого, а себя неохота. Поймал Иван-царевич жеребёнка, посадил за пазуху воронёнка и пошёл куда глаза глядят, куда ноги идут.

Шёл, шёл Иван-царевич и подумал: «А не бросить ли мне на землю вторую горошину? Ведь теперь мне без коня и советчика хуже некуда».

Бросил Иван-царевич на землю вторую горошину. И только упала на землю горошина, раздался гром, опустилась чёрная туча. В крошечной тьме завертело, уронило Ивана-царевича, а вскочил на ноги — светло и тихо. Глядит Иван-царевич: стоит он у крыльца, у дворца, в своём городе-столице. За пазухой у него воронёнок пищит, рядом жеребёнок копытцами топчет, в руках — кубышка с живой водой.

А вокруг плач и стон. Народу на площади видимо-невидимо. Кто пришёл, кто приполз, а кого на себе принесли. Чтоб не так страшно помирать было, собрались все вместе. Детишки плачут: умирать не хотят. Старики плачут: детишек жалко.

Спохватился тут Иван-царевич, поскорей живую воду из кубышки на землю выплеснул. И сразу ударили из-под земли родники, побежали ручьи, потекли реки. Налились до краёв озёра, мигом зазеленели болота.

Все от радости ошалели, кинулись воду пить. Кто ков-

шом, кто ведром, а кто башку по уши в воду сунул, пузыри пускает.

Помчалась на водопой скотина. Петухи кур на реку зовут, кукарекают.

И все колокола сами собой звонят.

Вошёл Иван-царевич в царские палаты, а там пир горой. Царь со старшими сыновьями и боярами пируют на радостях, что беда страшная миновала. Пьют воду ведрами.

— Эй, Иван! Где ты, дурак, был? — кричат ему братья старшие, умный Алексей и хитрый Евсей.

— Где ты, сын, пропадал? — спросил царь строго.

Ничего им не сказал Иван-царевич, а только позволения у отца выпросил оставить себе воронёнка с жеребёнком, пока они не вырастут.

Посмеялись над ним Евсей с Алексеем, его братья хитроумные, да и думать о нём забыли.

А когда стал конём жеребёнок и вороном воронёнок, ускакал Иван-царевич к царь-девице навсегда.

МАРТЫН, ВДОВИЙ СЫН

В некотором царстве, некотором государстве жили-были старик со старухой, и был у них сын Мартынка.

Вот умер старик, и осталась старуха с Мартынкой одна. А без кормильца не та пошла жизнь. Старик, бывало, что ни заработает — всё домой. А теперь что ни день — деньги из дому. За то плати, за это плати. Осталось у старухи двести рублей всего. Хоть живи на них до самой смерти, хоть сейчас помирай. Вот и говорит старуха Мартынке:

— На тебе сто рублей, возьми у соседей лошадь, поезжай на базар, купи муки на всю зиму. А весной на заработки пойдёшь.

Расчесал Мартынка кудри, пощипал усы, бороду — не растут ещё. Побежал к соседям, лошадь с телегой выпросил и поехал на базар. А на базаре народу привалило — ни пройти, ни проехать. Навезли добра всякого: полотно,

рогожи, дёготь, горшки и плошки, гребешки и ложки, пряники, пироги, платки, молотки, серёжки и кольца. Глядишь — в глазах рябит, не глядишь — звон в ушах стоит. Все кричат, свой товар расхваливают, в руки суют.

Видит Мартынка у столба толпу. А это мясники собаку к столбу привязали и бьют нещадно. Соскочил Мартынка с телеги, бросился к мясникам, кричит:

— Братцы! За что вы пса колотите?

— Он говяжью тушу изгрыз! — отвечают мясники и снова собаку бить принялись.

— Стойте! Не бейте! — закричал Мартынка.

— А ты его купи! — сказали мясники.

— Сколько стоит? — спросил Мартынка.

— Сто рублей, — отвечают ему.

— Давай! — сказал Мартынка.

И отвалил мясникам все сто рублей. Мясники переглянулись, деньги взяли, собаку отвязали и отдали её Мартынке.

Вот приехал Мартынка домой, его и спрашивают:

— Купил?

Мартынка отвечает:

— Купил.

Ну, а как узнала мать, куда сын деньги истратил, заплакала:

— И в кого ты у меня, Мартынка, эдаким уродился!

А Мартынка её утешает:

— Не плачь, матушка, это я не собаку купил, а своё первое счастье.

Делать, однако ж, нечего, пришлось старухе Мартынку снова на базар посылать. Наказала она сыну строго-настрою:

— Купи, Мартынка, муки. А больше ничего не покупай.

И дала ему ещё сто рублей.

Вот отправился Мартынка опять на базар, да ещё не доехал — увидал: злой мальчишка кота мучает, тащит на реку топить.

— Постой! — крикнул Мартынка злому мальчишке. — За что котά утопить хочешь?

— Он кусок пирога со стола стянул! — отвечает злой мальчишка.

— Отпусти ты его, — попросил Мартынка.

— А ты купи за сто рублей! — отвечает злой мальчишка.

Отдал Мартынка злому мальчишке сто рублей.

Приехал домой и матери говорит:

— Не купил я муки, а купил своё второе счастье!

И достал из мешка котά.

Увидала старуха, какое счастье купил Мартынка, — ни единой слезинки не пролила.

— Ступай, сынок, в люди, научись уму-разуму, а то ты у меня дураком растёшь, — сказала она Мартынке.

И отправился он уму-разуму учиться, сам себе хлеб зарабатывать.

А собака Журка и кот Васька остались дома.

Вот в одном месте нанялся Мартынка к богатому человеку в работники. А с богатым человеком у них такой уговор: работать три года без сна и отдыха за хлеб и воду, а через три года даст богатый человек Мартынке целый мешок серебра.

Три года работал Мартынка у богатого человека без сна и отдыха. Ничего, кроме хлеба, не ел, кроме воды, не пил. Однако стал ростом выше, в плечах шире. За усы себя ущипнёт — есть усишки. За бороду ущипнёт — растут волосишки.

Привёл богатый человек Мартынку в амбар и говорит:

— Вон в углу два мешка стоят. В одном серебро, в другом песок сырой, твоими пятками толчённый, твоим пóтом моченный. Бери из этих двух мешков за свою службу любой.

Выслушал Мартынка богатого человека и думает: «Эта штука неспроста. Попытаю счастья — возьму песок. Он моими пятками толчённый, моим пóтом моченный. Неужто он серебра не стоит?»

Взвалил Мартынка на плечи мешок с песком и пошёл другого себе места искать, в работники наниматься. Ходил Мартынка по городам и сёлам, ни много ни мало, целый год. Нигде Мартынку в работники не берут.

Вот оборванный и голодный идёт Мартынка лесом. Глядит: на поляне огонь горит, а в огне девица стоит, красавица — ни в сказке сказать, ни пером описать. Сбросил Мартынка с плеч мешок, а девица-красавица ему и говорит:

— Мартын, вдовый сын! Избавь меня из адского пламени, засыпь огонь песком, твоими пятками толчённым, твоим потом моченным.

Пожалел Мартынка девицу-красавицу, высыпал в огонь песок, за который три года работал, да который год на себе таскал. Пламя адское сразу угасло, а девица оземь ударилась и обернулась змеею. Змея на грудь Мартынке прыгнула и шепчет:

— Я змеиною царя дочь. Отнеси меня, Мартынушко, в тридевятое царство, пусти под большой камень. Отец за это тебя по-царски наградит.

Делать нечего — отправился Мартынка со змеей на груди в тридевятое царство. Отыскал там большой камень. Пустил змею на землю. А змея оземь ударилась — обернулась опять красной девицей.

Махнула красная девица платочком — отвалился камень, а под ним открылся ход.

Красная девица и говорит Мартынке:

— Ступай, вдовый сын, за мной. Да не бойся. В нашем царстве змеином такой обычай: когда среди нас человек — и мы обличьем люди.

Долго ли, коротко ли шли Мартынка с девицей-красавицей, змеиной царевной, а только и свет под землёй забрезжил, и город большой завиделся.

Вошли они в город, а тут плач и стон стоит. Царь с царицею убиваются. Дочь-то у них Змей Горыныч унёс неведомо куда. Грозил Змей Горыныч её в адском пламени сжечь, если замуж за него не пойдёт.

Прошли царевна с Мартышкой через всю столицу, словно через кладбище. Подошли к дворцу. Там девица-красавица, змеиная царевна, как засмеётся вдруг, как крикнет:

— А вот она я!

Тут стража дворцовая набжала — оружием о землю бряк! Бояре, дворяне прибежали — царевне в ноги бух! И все принялись кричать да радоваться, славить царевну.

Мартынка стоит, головой вертит, всему удивляется. И вправду в змеином царстве у всех обличье человечье. Да и обычаи схожие. Пока в толпе Мартынка с царевной шёл, никто его лохмотьев не заметил, но только шагнул в дворцовые покои — стали на него дворяне коситься, бояре бороды топорщить, стража усами шевелить.

А царевна Мартынку за руку взяла и на ухо шепчет:

— Не бери, Мартын, вдовый сын, у моего батюшки ни серебра, ни золота, ни камней самоцветных, а проси у него с мизинца колечко. Его только с руки на руку перекинуть да желанье своё сказать — всё тотчас исполнится.

Царь с царицей явились. Они дочку обнимали, целовали, от радости плакали.

А царевна говорит:

— Спас меня Мартын, вдовый сын, а то гореть бы мне в адском пламени вечные времена.

И рассказала всё как было.

Тут немедля царь змеиноного царства велел царскую баню топить, воду носить, жару поддавать, а боярам возле бани стоять и, чего бы Мартын ни пожелал, чтобы мигом, живой ногой ему всё предоставить.

К тому времени на веселье в городе запрет был снят. Начался праздник развесёлый.

Вот призвал царь Мартынку к себе и спрашивает:

— Чем, Мартын, вдовый сын, тебя наградить? Сказывай! Дать тебе бела серебра или красна золота? Или дать тебе каменьев самоцветных?

А Мартынка и говорит:

— Не надобно мне, государь, ни серебра белого, ни золота красного, ни каменьев самоцветных. А дай ты мне колечко с твоего мизинца.

— Э, да ты, Мартын, вдовый сын, видать, не глуп! Такому не жалко и колечко волшебное отдать.

И отдал колечко со своего мизинца Мартынке.

Попраздновал, попировал Мартынка в змеином царстве — пришло время домой возвращаться.

Стянул Мартынка колечко с мизинца, из руки в руку перекинул — тотчас явились перед ним двенадцать молодцов. Стоят не дышат, приказа ждут.

— Хочу домой! — сказал Мартынка.

И не успел он почесаться, как очутился дома. Мать его обняла, радуется. Кот на плечи вспрыгнул, башкой трётся, мурлычет. Собака Журка вокруг прыгает, визжит и влзаивает.

Когда радость поутихла, мать и говорит Мартынке:

— Как, Мартынушка, жить будем? Нанялся бы ты, сыночек, опять в работники.

А Мартынка отвечает:

— У меня усишки отросли, бородёнка пробивается. Мне жениться пора.

Мать сыну не перечит, только сокрушается:

— Это бы хорошо, лучше некуда, да нету нас с тобой беднее. Кто за тебя замуж пойдёт?

— Иди завтра к царю,— говорит Мартынка,— сватай за меня царевну.

Мать как стояла — так и села, а как села — легла, моченьки нет. Пёс Журка завертелся, зачесался. Кот Васька на печь вскочил и спину дугой согнул.

Мало-помалу мать в себя пришла, говорит Мартынке:

— Экой, ты, сыночек, шутник стал!

— Я, матушка, не шучу,— отвечает Мартынка.— Ступай во дворец, сватай мне царевну. Не то сам пойду.

Заплакала старуха и думает: «Надо мне идти, а то Мартынка сам пойдёт — изобьёт его стража за дерзость».

Вот пришла старуха во дворец, а к царю её не допускают. Кричат, замахиваются, гонят прочь.

А тут как раз во дворце скучный день был. Такая на царя напала скучища — устал руку поднимать, в кулак зевать. Все придворные, как водится, заодно зевали: кто в рукав, кто в горсть, кто в бороду. Иные на царской службе челюсти вывихнули.

Царь услышал, что стражники бранятся, послал дворян узнать. А сам думает: «Хоть бы что-нибудь случилось — скуку разогнал бы».

Прибежали дворяне и говорят: так, мол, и так, вдова какая-то пришла царевну за сына сватать.

У царя скуку как ветром сдуло. Приказал старуху перед собой поставить. Повалилась она ему в ноги и говорит:

— Мартынка, сын мой, велел мне твою дочь про-сватать.

А царь нарочно глядит весело, разговаривает просто.

— Очень богат твой сын? — спрашивает.

А Мартынкина мать отвечает:

— Сам посуди, государь: за кошку с собакой по сто рублей заплатил на базаре.

— А он у тебя, вдова, умный? — спрашивает царь.

— Сам посуди, государь: не взял за работу мешок серебра, а взял мешок песку,— отвечает мать.

— А он у тебя, вдова, удачливый? — опять царь спрашивает.

— Сам посуди, государь,— говорит Мартынкина мать.— Он у змеиноного царя дочку из адского пламени вызволил и домой отнёс, а от золота отказался.

— Ну, старая, ты меня позабавила, скуку мою прогнала,— сказал царь.— Теперь ступай домой, скажи своему сыну Мартынке: если он горазд девок из адского пламени таскать, пускай построит за ночь дворец против моего дворца лучший. Не то казню.

С тем и ушла старая вдова ни жива ни мертва от страха.

— Ну, Мартынка! Велит тебя царь казнить, если за ночь дворец не поставишь против его дворца лучший.

— Эва, невидаль, дворец! — сказал Мартынка.

Снял он с пальца колечко, из руки в руку перекинул — тотчас встали перед ним двенадцать молодцов. Стоят не дышат, приказа ждут.

— Чтобы к утру был у меня дворец против царского лучший! — приказал Мартынка.

Пропали молодцы невесть куда, а только сразу закипела работа. Откуда ни возьмись набежали мастера и землекопы, каменщики и кровельщики, плотники-работники. Поднялся вокруг стук да звяк, своё дело знает всяк, разговаривать некогда!

А Мартынка спать завалился. Вот наутро будит Мартынку мать, да неохота Мартынке вставать. Только мать не отступается, трясёт Мартынку за плечи сама не своя от радости:

— Ты гляди, Мартынушка! Какой дворец твои молодцы поставили.

Проснулся Мартын и спрашивает:

— Ты вчера у царя была. Чей дворец лучше?

— Твой против царского лучший,— сказала мать.

А Мартынка с пальца кольцо долой, перекинул его из

руки в руку — тотчас перед ним двенадцать молодцов стоят не дышат.

— Оденьте меня, братцы, боярином, а мою матушку — боярыней. Запрягите коней-лебедей в золотой возок!

Не успел Мартын глазом моргнуть — он одет боярином, а его матушка — боярыней. Сидят они в золотом возке, кони шеи лебедины выгнули, мчатся к царскому дворцу.

А царю всё известно. Построен за одну ночь дворец против царского лучший. Надо теперь слово своё держать, хоть не больно нравится.

Ну, а дальше всё было как водится: совет да свадьба, пир да похмелье.

А жить Мартынка с царевной в новом дворце стали. Только всё как-то невесело им жилось. Очень царевна досадовала, что за простого мужика отец её замуж выдал.

Зато царь своим зятем был очень доволен. Что царь ни попросит, крепость неприступную или флот морской, — Мартынка ему сейчас мигом.

Мартынкина жена молодая призадумалась: «Откуда у Мартынки такая власть? Чего он захочет — тотчас всё для него делается».

Прикинулась Мартынкина жена, царёва дочка, добренькой, мягонькой. Речи сладкие ведёт, очами ласково поводит. А Мартынка обрадовался, что жена ласкова да уступчива стала, на радостях и проговорился: «Чего, мол, друг сердечный, ты ни пожелаешь — мигом будет. Кину вот из руки в руку это колечко да прикажу — всё мои молодцы исполнят».

Мартынкина жена сняла у Мартынки сонного с пальца колечко да и перекинула с руки на руку. Тотчас явились перед ней двенадцать молодцов и стали в ряд, не дышат.

Мартынкина жена и говорит им:

— Слушайте, ребята! Чтобы к утру не было здесь дворца, а стояла бы опять изба, и чтобы муж мой со своей матерью да кошкой и собакой здесь в прежней бедности

жили. А меня унесите от этого позора в тридевятое царство. Буду я Сама Себе Хозяйкой царствовать.

Не успел Мартынка сон доглядеть, не успели петухи пропеть, как очутился он с матерью в своей старой избе. И Журка с Васькой тут. А дворца словно и не было. Ни камешка от него, ни щепочки не осталось.

Загоревала Мартынкина мать. Шутка ли: снова в бедности жить!

Мартынка хватить себя за палец — кольца-то и нет! Тут Мартынка догадался, чьих это рук дело. Побежал Мартынка к царю на лукавую жену жаловаться.

А царь на него напустился грозно:

— Сказывай, куда мою дочь любимую девал!

Приказал царь поставить на площади каменный столб, на каменный столб поставить железную клетку и Мартынку в неё посадить. Чтобы солнцем его палило, морозом знобило, дождями мочило, ветрами высушивало. Давать велел Мартынке в день корку хлеба да ковш воды и до тех пор держать его в железной клетке, пока царица не вернётся.

Тогда Васька и говорит Журке:

— Айда в мышье царство, подпольное государство. Припугнём мышиною царя Хвостата Ушастого. Его мыши везде шмыгают. Небось, знают, куда убежала от нашего хозяина жена.

Мышь царство, подпольное государство было недалеко: только сто вёрст пробежать и море переплыть.

Прибежали Васька с Журкой к морю. Надо его переплыть. Журка Ваську спрашивает:

— Я море переплыву, а ты как?

— А я на тебя сяду, вместе и переплывём,— отвечает Васька.

Так и сделали. Вскочил Васька на Журку верхом, в загривок вцепился — поплыли. На ту пору не случилось бури, и Васька с Журкой переплыли море.

Вот явились они в мышье царство, подпольное государство. Жили здесь одни мыши. И было их здесь видимо-

невидимо. А надо всеми мышиный царь — Хвостат Ушастый.

Васька с Журкой Хвостату Ушастому и говорят:

«Так, мол, и так, ваше мышиное величество, в каком-то царстве, надпольном государстве живёт Сама Себе Хозяйкой царица. У неё на пальчике волшебное колечко. Если кольцо это нам не предоставишь — разорим всё твоё подпольное царство, мышье государство, а тебя, Хвостата Ушастого, живьём съедим».

Хвостат Ушастый видит: дело плохо, спрашивает своих подданных:

— Кто царицу Сама Себе Хозяйка знает?

Выбежал вперёд один мышонок и говорит:

— Я царицу Сама Себе Хозяйка знаю. Днём она носит кольцо на мизинце, а на ночь в рот кладёт, чтобы не украли.

— Если добудешь кольцо,— сказал мышонку мышиный царь,— я тебя, мышонка, мышиным боярином сделаю.

Бросился мышонок со всех ног добывать себе боярскую честь, а Васька с Журкой завалились спать.

Ночью мышонок выбрался в надполье и прокрался в спальню к царице Сама Себе Хозяйка. Смотрит мышонок: спит царица. Тогда он поскорее к ней на подушку влез, сунул хвостик царице в нос и давай щекотать!

Царица чихнула и колечко изо рта выронила. А мышонок прыг с кровати, схватил колечко — и в норку. С колечком в своё царство подпольное убежал и был тотчас пожалован в мышинные бояре.

Вот бегут Васька с Журкой назад и спорят, кому кольцо волшебное нести.

Журка говорит:

— Давай я понесу. Собаки поноску носить горазды, а кошки — нет.

А Васька-кот говорит:

— А кого мышиный царь испугался? Тебя или меня? То-то, дурак, кошки мышей ловить горазды, а собаки — нет.

Бежали они, бежали, ругались, ругались, к морю прибежали. Надо опять море переплывать.

Васька кольцо в рот взял, сам на Журку скок и погнал его в воду. Вот плывёт Журка, язык высунул, а Васька на нём верхом сидит и похвальноется, как он мышиногo царя напугал до смерти и хозяину кольцо добыл. И только Журку псом шелудивым обругал — выронил изo рта кольцо в море.

Притих Васька, а как на берег вылезли, Журке в том признался.

Журка его бранить, Журка его трепать, приговаривать:

— Лезь, усатая башка, в море, доставай кольцо как хочешь, не то разорву тебя в клочья!

— Да что тебе будет от моих клочьев проку? — взмолился Васька.— Давай лучше раков пугать. Они на дне моря кольцо найдут и нам принесут.

Вот стали Васька с Журкой ходить по морскому берегу, рачков малых собирать, в кучу складывать. Большую кучу собрали. Немного времени погодя вылез на берег огромный рак — Всем Ракам Царь. Рак усищами шевелит, ничего не говорит, глаза на кучу раков выпучил. Журка давай на него лаять, а Васька бранить:

— Такой-сякой, разбойник морской! Чего глаза вылупил? Всех твоих раков и тебя самого в песок изотрём! Видишь, сколько мы вашего брата перетёрли?

Рак глазищами выпученными туда-сюда повёл, видит: песку на берегу видимо-невидимо. Испугался Всем Ракам Царь и говорит:

— Не надо нас в песок тереть, богатыри могучие! Приказывайте лучше, какую службу для вас сослужить. Какие со дна моря достать сокровища?

Тут Васька и говорит:

— Я посреди моря купался, да и уронил колечко. Вели его найти и сюда доставить.

Всем Ракам Царь стал своих раков спрашивать, не видал ли кто колечка посреди моря на дне.

Выпятился задом наперёд один рачишка маленький:
— Я видал, как рыба белужина кольцо со дна подхватила и проглотила.

Приказал Рак Всем Ракам Царь ту белужину в море найти и брюхо ей щекотать, пока кольцо не отдаст.

Разбежались раки по морскому дну, нашли рыбу белужину, стали брюхо ей клешнями щекотать. Белужина такой муки не стерпела, выплюнула колечко. Раки его схватили и на берег вынесли.

Васька схватил кольцо и помчался что есть духу, а сам думает: «Принесу кольцо хозяину, скажу, что я один его добыл. Будет меня хозяин больше Журки любить».

Только Журка догадался, откуда у Васьки такая прыть, и ну Ваську догонять. И догнал бы, и оттрепал бы, и колечко бы отнял, да Васька на дерево взобрался — тем и цел остался.

— Ладно,— говорит Журка,— я тебя, усатая башка, под деревом дождусь. Есть-пить захочешь, так, небось, слезешь!

Три дня Васька на дереве просидел. Три дня Журка его караулил. А как оба изголодались, то и помирились. Решили они рядом бежать, кольцо волшебное вместе хозяину отдать.

Вот прибежали они домой. А на площади, где был столб каменный, дубовая плаха поставлена. Повелел царь Мартынку, сына вдовьего, смертью казнить за то, что дочери-царевны ему не вернул и дворец на место не поставил.

Ведут Мартынку к плахе, а Мартынка, вдовый сын, упирается, не идёт. А мать его плачет, сына губить не даёт. И народ на площади стоит понуро, на бояр глядит хмуро. Всем бедную вдову и её сына жалко.

А царь на золочёном стульчике сидит, палачей то-ропит.

Тут и подбежал Журка с Васькой к Мартынке — своему хозяину. Васька хозяину на плечо прыгнул, кольцо отдал.

Обрадовался Мартынка, палачей оттолкнул, из руки в

руку колечко перекинул — явились двенадцать молодцов. Стали они в ряд, на Мартынку глядят не дышут, приказа ждут.

А Мартынка и говорит:

— Сделайте, ребята, так, чтобы царь к золочёному стульчику навсегда прирос. А меня с царевной разжените, её к царю отведите, и пусть они оба про меня да моё колечко начисто позабудут.

Мигом молодцы царицу Сама Себе Хозяйка принесли, к отцу её отвели, напустили на обоих туману. Те и забыли про Мартынку и про его волшебное колечко.

А Мартынка с матерью, да Васькой и Журкой стали в своей старой избе жить дружно и счастливо.

В чём случится нужда — сейчас Мартынка волшебное кольцо из руки в руку перекинет. Тотчас явятся двенадцать молодцов, стоят не дышут, приказа ждут.

Чаще всего их на базар за мукой посылали.

СОЛНЦЕВА СЕСТРА

В нашем царстве, русском государстве, в стародавние времена жили-были царь с царицей. И был у них сын Иван-царевич.

Царь всегда ходил туча тучей, а царица вся в слезах, оттого что Иван-царевич немым уродился. Двенадцать лет царевичу, а он ещё ни единого слова не вымолвил.

Вот отправился Иван-царевич раз в царские конюшни к старому конюху сказок послушать. А старый конюх и говорит ему:

— Не до сказок теперь, царевич, не до присказок. Всему царству пришёл конец. Идёт-бредёт на Русь ведьма Ягишна. Несёт в суме беду неминучую. А поведал о том вещий конь на царском лугу.

Пошёл Иван-царевич во дворец. А туда уж народ бежит, царя спрашивает, скоро ль ведьму ждать и как беду встречать.

Поклонился Иван-царевич отцу и вдруг сказал словами звонкими, как медь с серебром:

— Дай мне, государь, коня самого лучшего. Я в отъезд пушусь.

Оторопели сначала все, обрадовались: «Экое диво! Немой царевич заговорил!»

Царь взглянул на царевича и нахмурился. Посмотрела царица и потупилась. Поглядели на него люди и глаза отвели. Не по душе всем пришлась такая прыть царевича — бросать царство на беду неминуемую, самому в отъезд пускаться.

А того никто не знал, не ведал, что у Ивана-царевича на уме.

Приказал царь дать сыну коня самого лучшего и отпустил царевича на все четыре стороны, а народу повелел своею царской волею имя Ивана-царевича позабыть и впредь не выговаривать.

Опечалился Иван-царевич, да делать нечего. Пошёл в царские конюшни выбирать коня. Оглядел он коней всех мастей, а какого выбрать — не знает.

В тёмном углу увидал царевич конишку ледащего. Ростом конишка с козу. Шерсть свалаялась, копытца врозь.

Подивился Иван-царевич: «Сроду в царских конюшнях сраму такого не было». Да вдруг заприметил у конишки в глазу искорку.

— Беру этого! — сказал Иван-царевич.

— Быть, царевич, по-твоему! — молвил старый конюх. И повёл конишку седлать.

А уж слуги бегут, меч и шапку царевичу несут. Но как увидели слуги конишку ледащего, так и покатались со смеху: «Ну и конь!».

Иван-царевич мечом опоясался. Шапку соболиную надел. А как сел на конишку ледащего, ударил конишка о землю копытцами и тотчас в коня небывалого обернулся: из глаз искры летят, из ноздрей дым валит, грива белая морской волной колыхается!

— Батюшки-светы! — вскричали слуги. — Под царевичем вещий конь!

И никто рта закрыть не успел, как взвился конь с Иваном-царевичем выше облака. Не успел никто глазом моргнуть, а они уж из виду скрылись.

Скакал конь через горы и доли, царевича спрашивал:

— Не страшна ли тебе такая езда?

— Какая это езда! — отвечал Иван-царевич. — Я от скуки в седле уснул.

Скакал вещий конь через реки и пропасти, царевича спрашивал:

— Не страшна ли тебе такая езда?

— Какая это езда! — отвечал Иван-царевич. — Я и поводья бросил.

— Ну, коли так, теперь приказывай, какую тебе службу сослужить, — сказал вещий конь и опустил копыта на холме в чистом поле, в чужедальной стороне.

Иван-царевич сказал коню:

— Идёт-бредёт на Русь ведьма Ягишна. Несёт в суме беду неминучую. Хочу я злой ведьме дорогу заступить.

Отвечает конь Ивану-царевичу:

— Знай, царевич: у ведьмы Ягишны зубы железные, клюка каменная, нога костяная. Не берёт ведьму ни меч, ни копьё. А как её одолеть, только Солнцева Сестра знает.

— Скачи к Солнцевой Сестре, — приказал Иван-царевич.

Но вещий конь ему так отвечал:

— Нету к Солнцевой Сестре пути конного, богатырского, прямоезжего. К ней идти надо пешему, безоружному, с непокрытой головой. Ты ступай, царевич, дорогу у добрых людей спрашивай. А моя служба впереди.

Иван-царевич с седла долой, шапку оземь, меч наземь. И пошёл с холма.

Долго ли, коротко ли шёл Иван-царевич — увидел избушка в два окошка. Под окошком две старушки. Они шьют, шьют, на Ивана-царевича не глядя, говорят:

— Ладно пеший идёшь, а то мы конского топоту не любим.

— Отчего вы конского топоту не любите? — спросил их Иван-царевич.

Отвечают ему старушки:

— Когда девицами были, набежали лихие всадники, угнали нас на чужую сторонушку. С той поры невзлюбили мы конского топоту. А куда ты, молодец, путь держишь? — спросили старушки Ивана-царевича.

— Иду к Солнцевой Сестре, а пути-дороги не ведаю, — отвечает царевич.

Старушки ему и говорят:

— Вот сундук иголок доломаем, сундук ниток изошьём, тогда и дорогу тебе покажем, а прежде нельзя, не то наша смерть придёт.

Иван-царевич вчуже обрадовался:

— Вам, бабушки, шить да шить, жить да жить! А мне ждать некогда. Идёт-бредёт на Русь ведьма Ягишна. Несёт в суме беду неминучую. Только Солнцева Сестра знает, как ведьму одолеть.

Тут старушки всполошились. Рассыпали иголки, спутали нитки. Застучали перстами Ивану-царевичу в лоб:

— Экий ты бестолковый! Так и надо было сразу сказать! Мы ведь родом из русской сторо-

нушки! Ты ступай скорей туда, откуда ветры дуют солёные. Придёшь к морю синему. И когда солнышко низко будет, покличь: «Солнце-солнце, отвори оконце!». Отворит солнце оконце, из него Солнцева Сестра выглянет. Тут ты у неё и спроси, как ведьму одолеть.

И только последнее слово старушки вымолвили, тотчас рядышком легли и умерли. Поклонился им Иван-царевич и пошёл в ту сторону, откуда ветры дуют солёные. К самому морю синему.

Много ли, мало ли шёл Иван-царевич — встретилась ему на пути дубрава. Миновал Иван-царевич дубраву.

Много ли, мало ли прошёл Иван-царевич — встретились ему на пути горы. Миновал Иван-царевич горы.

Долго ли, скоро ли шёл Иван-царевич, а за солнышком не поспел. Ушло оно за море синее на покой. Сел царевич на берегу. Стал утра ждать, когда солнце из-за моря встанет.

Ждёт-пождёт Иван-царевич да на море глядит.

Дуют с моря ветры солёные, ходят в море волны белогривые.

Месяц ясный над морем ладьёй плывёт.

А как проплыл месяц ясный из конца в конец моря, тут и ночь минула. Взошло солнышко, низко-низко над Иваном-царевичем стало. Встрепенулся царевич и что было силы крикнул:

— Солнце-солнце! Отвори оконце!

Отворило солнце оконце, а из него Солнцева Сестра выглянула. Тут Иван-царевич и сказал ей:

— Злая ведьма на Русь идёт. С бедой неминучей суму несёт. Научи меня, как ведьму одолеть, Русь от беды избавить!

Отвечала Солнцева Сестра:

— А ты потягайся с ней — что перевесит: сума с бедой или кувшин с водой?

И на шёлковом шнурке спустила кувшин прямо в руки Ивану-царевичу. Кувшин простой, глиняный, в нём невесть какая вода плещется.

— А где Ягишну встречать, где ей путь заступать? — спросил царевич.

Посмотрела Солнцева Сестра из-под ладони и говорит:

— Да вон она идёт-бредёт, насилу суму несёт. Тут её и встречай.

Глядит Иван-царевич — а солнце уж далеко. Глядит — а ведьма уж близко. Идёт-бредёт злая ведьма Ягишна. Костяной ногой загребает. О клюку каменную зубы точит.

Набрела она прямо на Ивана-царевича. Глазами пустыми на него уставилась. Кривым носом туда-сюда повела и говорит:

— Чую, чую русский дух. Знаю, знаю, Иван-царевич стоит. А почто, царевич, у тебя кувшин в руках?

— Хочу море вычерпать, — отвечает Иван-царевич.

Затряслась, засмеялась Ягишна и опять спрашивает:

— А зачем, царевич, тебе море вычерпывать?

— Чтоб опять налить его доверху, — отвечает Иван-царевич.

Ещё пуще затряслась, засмеялась ведьма Ягишна. И в сторону бормочет:

— Вижу, вижу, русский царевич глуп, он меня на Русь поведёт, мою суму понесёт!

А царевичу говорит:

— Ступай, царевич, домой. А я пойду за тобой. Да суму мою понеси, я тебе за это пряников дам!

— Не по мне такая ноша, — сказал Иван-царевич. — Больно твоя сума легка.

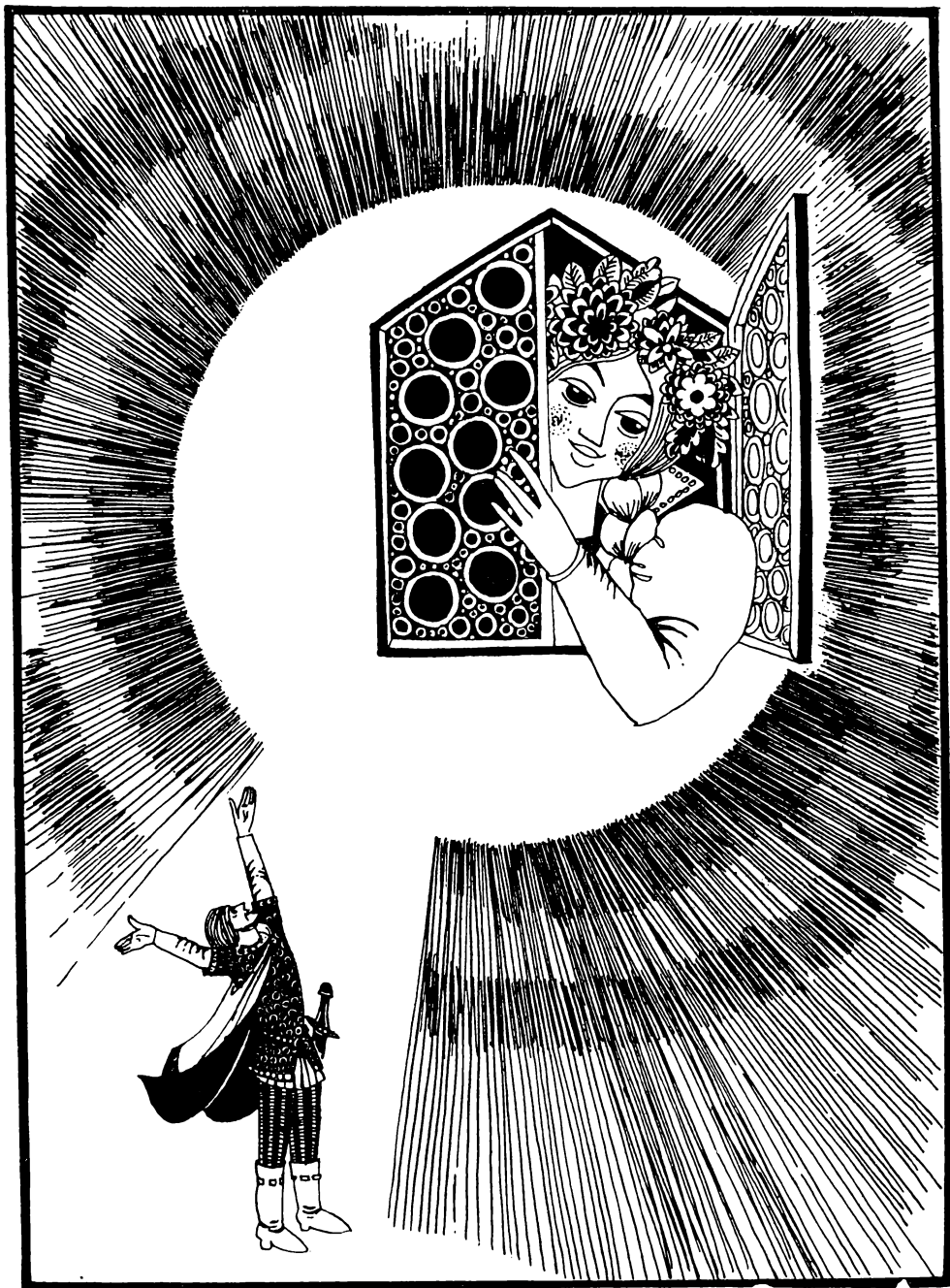
— А ты попробуй, — сказала Ягишна.

И суму с плеч сняла.

— Нет, сначала давай потягаемся — что перевесит: мой кувшин или твоя сума, — нарочно заупрямился Иван-царевич.

Положил он брёвнышко на камешек. На конец брёвнышка ведьма Ягишна суму свою свалила и говорит:

— Если твой кувшин моей сумы не перетянет, ты меня на Русь поведёшь, мою суму понесёшь!

— Ан не бывать, ведьма, по-твоему! — вскричал Иван-царевич.

И поставил кувшин на другой конец брёвнышка.

Кувшин сразу вниз так потянул, что сума с бедой взлетела выше облака. А оттуда в море ухнула. Всколыхнулось море — и нет сумы, как не было.

Взвыла ведьма тогда на весь белый свет:

— Чую, чую, что в кувшине живая вода! Знаю, знаю, кто тебе дал!

Замахнулась злая ведьма клюкой каменной. Хотела кувшин разбить. А Иван-царевич кувшин подхватил — бежать. За ним Ягишна — догонять. Она бежит, ногой костяной загребает, приговаривает:

— Забью царевича клюкой до смерти! В сырую землю втопчу его косточки!

И догнала бы злая ведьма Ивана-царевича, да откуда ни возмись очутился перед ним вещий конь. Иван-царевич — в седло, вещий конь — на дыбы и вскачь! Только прах из-под копыт летит, из ноздрей дым валит, из глаз искры сыплются.

А ведьма Ягишна сзади бежит, не отстаёт, приговаривает:

— Догоню, догоню! Затопчу, затопчу! И коня и всадника!

Скачет, скачет Иван-царевич на вещем коне. Видит: возле избышки две старушки мёртвые лежат.

Остановил царевич коня. Выплеснул на них живую воду солнцеву. И вскочили старушки, да не старушками, а красными девицами!

Скакал вещий конь на Русь, через горы и доли перемахивал, Ивана-царевича спрашивал:

— Не страшна ли тебе такая езда?

— Страшна! — отвечал Иван-царевич. — Едва в седле держусь!

Скакал конь через реки и пропасти, Ивана-царевича спрашивал:

— Не страшна ли тебе такая езда?

— Страшна! — отвечал Иван-царевич. — Боюсь поведья из рук выпустить.

А через короткое время очутился Иван-царевич на царском лугу. Вещий конь ему сказал:

— Прощай, Иван-царевич! Кончилась моя служба.

И пропал, как не было. Только седло на земле лежит. А куда уж народ бежит. А над городом-столицей колокольный звон стоит. Как ни скор вещий конь, а добрая весть проворнее. На Руси всем уже было ведомо: осталась ведьма Ягишна за горами, за дубравами, а сума её с бедой неминуей в море сгинула.

СЕМЬ СЕМИОНОВ

Жили-были муж и жена. Прожили они много лет, а детей у них не было.

Очень они горевали: вот придёт старость, приведёт с собой немощи, некому будет тогда их, стариков, кормить, некому о них позаботиться.

И ещё семь лет ждали муж с женой детей. И ровно через семь лет родилось у них сразу семь сыновей.

Потому и назвали их всех одинаково — Семионами.

Час от часу, день ото дня росли семеро братьев и наливались силой.

В десять лет Семионы сами в поле работали, не хуже других. К тому времени умерли старики, и остались семеро Семионов одни.

Вот проезжал как-то мимо их поля царь Пётр. Видит: пашут семеро ребяток. Удивился царь: «Эдакие маленькие, а тяжёлую крестьянскую работу делают».

Приказал привести к нему во дворец всех семерых и пред очи его поставить.

Вот привели Семионов во дворец к царю и перед ним поставили. Смотрит царь на них и никак одного от другого отличить не может. Велел царь своим дворянам хорошенько присмотреться — и те разницы не нашли. Все семеро в одинаковых лаптях, в одинаковых портах, в одинаковых рубашках. У всех семерых глаза синие, башки кудрявые, цвета спелой ржи.

— Будем вас по старшинству различать,— сказал царь.— Кто из вас старший?

Справа выступил один Семион.

— А кто за ним? — спрашивает Пётр.

Справа выступил второй Семион.

— Ну, вот теперь сразу видно,— сказал царь,— этот младший,— указал на последнего в ряду.

Потом Пётр министрам говорит:

— Мне угодно детей этих при себе оставить, разным наукам и художествам выучить. Думайте, господа министры, кого из них чему учить.

Министры думали, думали. Думаючи вспотели. Наконец главный министр, в парике до плеч, со шпагой до земли, а сам очень малого роста, и говорит:

— Надо, государь, их самих спросить, кто к чему способен.

Царь Пётр такой совет разумным счёл и сказал:

— Семион старший! Какой науке или художеству ты желаешь выучиться?

— Я, ваше величество,— отвечает старший Семион,— никакой науке или художеству учиться не желаю. А вот если бы вы приказали посреди царского двора сделать кузницу, то сковал бы я столб железный до самого неба.

— Э, да тебя, Семион, учить не для чего, коли ты кузнец! — воскликнул царь.

И приказал устроить посреди двора кузницу.

— А ты, другой Семион! Какой науке или художеству учиться хочешь? — спросил Пётр.

— Никакой науке или художеству я, ваше величество, учиться не хочу. А если мой старший брат скуёт железный столб до неба, то я по тому столбу влезу на самый верх и стану смотреть во все стороны и буду тебе докладывать, что в котором государстве делается. Где войско собирают, где рвы копают, где невест сватают.

Царь справедливо подумал, что и этого Семиона учить не надо, и так умен да ловок. После спрашивал третьего. Но тот ответил:

— Если бы мой старший брат сковал мне топор, я тем топором тотчас сделал бы корабль.

Царь остался доволен:

— Мне корабелы надобны.

А четвёртый Семион сказал:

— Если бы мой третий брат сделал корабль, и когда бы на этот корабль напал неприятель, то я бы корабль под водой провёл и снова на воду вывел.

Подивился царь таким речам четвёртого Семиона и стал спрашивать пятого.

— Ежели старший брат мой скуёт ружьё, то я из него, если увижу птицу,— хоть за сто вёрст подстрелю,— отвечал тот.

— Ну, ты будешь у меня исправным солдатом,— сказал царь.— Мне такие стрелки нужны.

И стал шестого Семиона о том же спрашивать. А он отвечает:

— Если мой пятый брат подстрелит птицу на лету, то я ей на землю упасть не дам. Подхвачу и тебе принесу.

Царь только руками развёл:

— Ну и прыть!

Потом спросил последнего Семиона:

— А ты, меньшой Семион, каким наукам или художеству желаешь учиться?

— Я, ваше величество, никаким наукам и художествам учиться не желаю, потому что есть у меня ремесло прёотличное!

— Какое у тебя ремесло?— спросил его Пётр.

А Семион младший, в ряду последний, и отвечает:

— Я умею воровать. Да так, что никто меня на воровстве не поймает.

Тут царь разгневался, говорит министрам:

— У меня в государстве и так воров полно! Придумайте, господа министры, какой казнью казнить Семиона-вора.

— Государь! — вскричали министры и затрясли париками. — Такого вора, коего на воровстве поймать нельзя, никак казнить не следует.

— Почему это? — очень удивился царь Пётр. — Плохих воров казним, а хорошего миловать?

Тогда выступил вперёд главный министр, в парике до плеч, со шпагой до земли, сам, впрочем, очень малого роста, и сказал:

— Потому, государь, не следует казнить вора, который на воровстве не попадается, что может такой вор вам, государь, самому очень пригодиться.

Царь Пётр плечами пожал, стало ему смешно:

— Ну, если министры у меня заодно с ворами, то и воры, наверно, заодно с министрами! — И поглядел на министров страшно.

Однако казнить Семиона-вора не приказал, а всех семерых Семионов при себе оставил.

Очень приглянулись царю Петру семь Семионов, и он с ними не разлучался, везде брал с собой: морское ученье — берёт на корабль; парад военный — сажает на копей; государственный совет — и Семионы тут как тут, между министров сидят.

Не понравилось это министрам. Пошли у них разговоры: «Мужичьё лапотное вровень с нами сидит»; «Царь своих Семионов слушает, а на нас и не глядит».

Особенно невзлюбили министры седьмого Семиона за то, что он своему ремеслу отказался их выучить — на воровстве не попадаться.

Вот когда старший Семион железный столб до самого неба сковал и поставил, созвал царь министров на совет.

— Сейчас мы узнаем, что в соседних государствах делается,— сказал Пётр.

И велел второму Семиону на столб взобраться и оттуда докладывать.

Второй Семион вмиг на столб влез, из-под ладони поглядел и кричит сверху:

— Шведы крепость возвели, пушки везут.

— Ну, этих мы видали, а повидав — бивали! — махнул рукой Пётр.

А Семион сверху кричит:

— Турки корабли строят, ружья несут!

— Ну, и этих встречали, штыком привечали,— сказал Пётр и кверху крикнул: — Погляди, братец, чего немцы делают?

— Сошлись головами, шепчутся, а о чём не слышать,— отвечает Семион.

— Ну, это нам давно известно,— промолвил Пётр и крикнул наверх: — Посмотри теперь за море, что в Тридевятом царстве, Заморском государстве делается?

А Семион кричит вниз:

— Ваше величество! В Тридевятом царстве, Заморском государстве царевна Елена Прекрасная сидит под окошечком. У неё из косточки в косточку мозжечок переливается!

Царь Пётр усом задёргал, а министры в кулачок кашлянули, глаза в стороны отвели. Всем было ведомо, как хотел царь Пётр на Елене Прекрасной жениться, да только отец её, король Заморский породниться с царём Петром не желал, потому что нравом русский царь был больно крут и неуживчив.

Тут главный министр, в парике до пят, со шпагой до полу, хотя сам очень малого росту, и выйди вперёд и скажи:

— А ведь есть у вас, ваше величество, Семионы — ребята ловкие, если не хвастают. Седьмой Семион с братьями, если прикажешь, живой рукой вам Елену Прекрасную добудет. Для того мы его и казнить отсоветовали.

Царь Пётр задумался, за трубкой потянулся. И, на Семионов не глядя, спросил:

— А что, ребята, добудете мне невесту из Тридевятого царства, Заморского государства?

— Дай нам сроку, государь, на сборы один месяц и один день, — ответил Семион-вор.

Царь срок им положил на сборы один месяц и один день. А министры переглянулись, перемигнулись и ручки сложили на животах: «Ну вот, мол, избавились мы от Семионов-лапотников. Король их живыми из своих пределов не выпустит».

А братья Семионы стали к походу готовиться. Старший Семион сковал третьему Семиону топор, а пятому сделал ружьё. Семион-вор больше всех трудился. Раздобыл кошку и стал её политесу учить — на задних лапках ходить, направо-налево кланяться, заморские песенки мяукать и менуэты танцевать. За этим занятием и прошли у него месяц и один день.

А как прошёл этот срок, отправились семь Семионов в Тридевятое царство, Заморское государство, царю Петру невесту добывать.

Вот после долгого пути прошли они к морю. Надо море переплыть, а не на чем. Походили

братья по берегу, нашли большой дуб. Третий Семион дуб срубил, топором помахал, сделал корабль. Тем временем его братья сшили паруса, поставили мачту.

Поплыли семь Семионов за море. Долго ли, коротко ли плыли братья, сказать нельзя — кому как покажется. А только море их вымочило, ветры высушили. Наконец прибыли они в Тридевятое царство, Заморское государство.

Семион-вор пошёл в город — заморскую столицу. Там, на рыночной площади, стал он свою кошку учёную горожанам показывать. Ходила кошка на задних лапках, налево-направо кланялась, песенки мяукала, танцевала менуэт.

Дивное это было зрелище, и вскоре о том узнали в королевском дворце.

Малое время спустя явился на корабль царедворец и сказал, что королева Елена Прекрасная желает на кошечку учёную поглядеть. Семион-вор кошечку свою чёрную взял и отправился во дворец.

Кошечка очень понравилась Елене Прекрасной, и загорелось ей во что бы то ни стало кошечку эту купить.

Король Семиона спрашивает: сколько ему медных денег за кошечку дать? А Семион и говорит:

— Не продам не то что за медные деньги, а и серебряных и золотых не возьму. Вот разве королева честь сделает — примет кошечку в подношение, а король позволит беспошлинно товар распродать.

Королева честь сделала — кошечку даром взяла, а король Семиона-вора расспрашивать стал, какие товары тот привёз да какие им цены.

Ну, Семион врал, врал, пока не устал. Такого наговорил про всякие кольца, браслеты и серьги да ожерелья, что у королевны с её фрейлинами глаза розовым огнём зажглись.

А под конец выбрал Семион-вор подходящую минуту, шепнул фрейлинам королевны: дескать, пожалуйста, прекрасные господа, на корабль, возьмите себе драгоценностей сколько надобно, за самую малую цену. Только коро-

левну Елену Прекрасную с собой приведите, потому что мне это за великую честь будет.

Отправился Семион-вор к себе на корабль и говорит братьям:

— Королевна сама придёт к нам, невест приведёт, тогда не зевайте.

А фрейлины Елене Прекрасной все уши прожужжали, уговорили тайком на корабль к заморскому купцу сходить. Сами они, дескать, без королевны своей идти не решаются.

Вот под вечер семь самых красивых фрейлин с королевной Еленой Прекрасной тайком отправились в гавань. А чтобы их не заметили, оделись они служанками-горожанками, покрылись платками, прихватили корзиночки плетёные.

Как ступили девицы-красавицы на корабль, Семион-вор братьям мигнул — те смекнули, якоря обрубил, поставили паруса и поплыли.

Но королевна Елена Прекрасная о несчастье своём догадалась, обернулась лебедем — и в облака. Только тут пятый Семион схватил ружьё, подстрелил лебедя, а шестой Семион не дал ему и на воду упасть, подхватил, на палубу поставил.

Пришлось королевне вновь из лебедя девицей стать.

А на берегу тревога, со всех крепостей пушки бьют, король купцам-ворам вдогонку целый флот послал.

Через некоторое время лучший корабль королевского флота стал беглецов догонять, вот-вот было совсем догнал. Тогда четвёртый Семион взял корабль за нос и увёл под водой. Да так ловко, что никто даже ног не замочил. А королевский флот ни с чем ушёл восвояси.

Долго ли, коротко ли плыли семь Семионов домой, а только пресную воду на корабле всю выпили, а девицы-фрейлины все свои слёзы горькие выплакали. И когда пристали к берегу, оказалось на корабле семь невест, семь женихов, да ещё царю Петру невеста, королевна Елена Прекрасная.

Царь Пётр, как во всём, и с женитьбой не мешкал. Устроил сейчас же пир на весь мир. За царской свадьбой никто и не заметил, как Семионы на своих красавицах женились. И царь Пётр с Еленой Прекрасной, как у царей водится, о них больше не вспоминали, а министры не напомнили.

С тех пор живут семь Семионов там, где раньше жили. Землю пашут, крестьянствуют. Их красавицы, жены молодые, сначала грубой работы не делали, простой еды не ели. Но как стали у них детки в колыбельках пузыри пускать, забыли они про свои привычки прежние, придворные. Стали работающими крестьянками, своим мужьям Семионам помощницами.

ВАНЬКА

Было это в стародавние времена, никто не помнит, когда. Жили отец с матерью, и был у них сын Ванька.

Отец в поле работает — Ванька помогает. Отец в лес по дрова — и Ванька с ним. Ничего не скажешь, хороший сын.

Да вот только никак отец с матерью женить Ваньку не могли. Какую девицу Ваньке ни покажут — всё не по нём. У той коса тонка. Та сама толста. У этой нос курнос. У той под носом мокро.

Вот однажды отец говорит:

— Какой-то леший горох у нас повадился воровать! Ступай, Ванька, ночью горох караулить.

Ванька слова лишнего не сказал, сыromятных ремней взял, пошёл горох караулить.

Вот спрятался Ванька в горохах и лежит-полёживает.

Стало солнышко клониться красное. Ванька думает:

«Вот бы мне невесту светлу, как солнышко». — Взошёл ясный месяц на небо. — «И чтоб месяц в косе блестел». — Зажглись в небе звёзды. — «А глаза у неё как звёзды бы сияли». — Ветерок Ванькины кудри тронул. — «И чтоб ласкова была, как ветерок». — Запел в роще соловей. Ванька думает: «И чтоб пела соловушкой».

Ванька спал не спал — наяву грезил. Да вдруг чу! Кто-то в горохах шевелится. Привстал Ванька, видит: мужик не мужик, старик не старик сидит и сладко чмокает.

Подкрался Ванька, петлю ремённую кинул, да и связал вора по рукам и ногам. Глядит Ванька: башка у вора рогатая, морда весёлая, глаза озорные, борода и усы травяные, брови моховые. А из рук и ног ветки с листьями растут.

«И впрямь Леший! — думает Ванька. — Нечаянно отец правду сказал».

— Ты зачем, Леший, горох воруюшь? — напустился Ванька на Лешего.

А Леший и говорит:

— Люблю я, Ванька, горох пуще ягоды малины, пуще чёрной смородины. Неужто тебе гороху жалко?

— А ты не воруй, — отвечает Ванька. — Попроси у людей честь по чести.

— Нельзя мне на люди показываться! — вскричал Леший. — Люди глупы, меня испугаются.

— И то правда, — согласился Ванька. — Испугаются.

— Ты меня, Ванюша, отпусти! — взмолился Леший. — А я тебе службу сослужу. Сказывай, какая у тебя забота.

— У меня одна забота. Мне жениться велят, а я не хочу, — отвечает Ванька.

— Отчего же ты, Ванюша, жениться не хочешь? — спрашивает Леший.

— Наши девки нехороши, — отвечает Ванька. — У одной коса тонка. Та сама толста. У этой нос курнос. У той под носом мокро.

— А какую тебе невесту надо? — спрашивает Леший. Ванька и говорит:

— Чтоб светла была, как солнышко. Глаза бы звёздами сияли, в косе месяц блестел. И чтоб ласкова была, как ветерок.

— Знаю такую девицу! — вскричал Леший. — Только ты меня развяжи и на волю отпусти! А то не скажу.

Ванька Лешего развязал, а Леший и говорит:

— У царя дочка есть. Светла, как солнышко. Голосиста, как соловушка. В косе месяц блестит. Глаза звёздами сияют. И ласкова, как ветерок. Ступай сватайся!

— Да ты что, Леший! Смеяться надо мной вздумал? — рассердился Ванька. — Где это видано, чтоб крестьянский сын царевну сватал?

А Леший и говорит:

— Видано не видано, а будет по-нашему! Только ты меня слушайся. Иди сейчас в столицу. Узнай, какая у царя забота. А как узнаешь, приходи ночью в лес, об пенёк постучи, меня покричи. Я тебя научу, чего дальше делать.

Ухватил Леший напоследок ещё гороху и убежал. А Ванька домой отправился. Дома у Ваньки с отцом-матерью разговор:

— Куда собрался?

— В столицу.

— Зачем?

— Жениться.

— Мало девок на деревне?

— Хочу на царевне!

Отец с матерью руками развели: «Ну и ну! Ну и Ванька!». Пришёл Ванька в столицу. На площади потолкался. Узнал, какая у царя забота. А ночью в лес пошёл, о пенёк постучал, Лешего покричал.

Он тут как тут.

Ванька Лешему говорит:

— Вот какая у царя забота: надо ему с Идолищем воевать. Идолище поганое из-за моря ползёт, скот и людей грызёт. Обещает царь дочку выдать за того, кто Идолище одолеет. А взялся Идолище поганое одолеть воевода Подскокович. Ему и царевна достанется.

Леший хохотнул и говорит:

— Ну, это мы ещё поглядим, кто Идолище одолеет, кто на царевне женится! Входи, Ванюша, в избу.

Глянул Ванька: на месте пня — избушка. Вошли в избу. Там нет ничего, только пенёк да пенёк. Да гнилушки в углу светятся.

Усадил Леший Ваньку, поставил бочонок дубовый с ковшом берестяным и говорит:

— Испей, Ванюша, мёду богатырского.

Нацедил Ванька ковш, выпил. Леший и говорит:

— Много ли, Ванюша, в себе силы почувствовал?

А Ванька такую вдруг силу в себе почувствовал, что сказал не соврал:

— Да если б палица была в пятьдесят пудов, я бы её выше дерева подкинул!

— Тогда испей ещё ковшичек,— сказал Леший.

Нацедил Ванька ещё ковшичек, выпил.

Леший опять его спрашивает:

— А теперь много ли силы в себе чувствуешь?

Ванька силу такую в себе почувствовал, что сказал не соврал:

— Если б палицу в сто пудов, я бы её выше облака подкинул.

— Пожалуй, хватит,— сказал Леший.— Ступай за мной!

Вышли Ванька с Лешим наружу. Леший свистнул раз — лежит палица в сто пудов. Свистнул два — стоит конь вороной. Свистнул в третий раз — в руках у Ваньки зеркальце.

— А зеркальце зачем? — удивился Ванька.

— Подари его царевне,— сказал Леший.— Зеркальце не простое, в него всё на свете видать. А теперь, Ванюша, скажи к воеводе, просись в поход. Да, на вот тебе моху горсть. Небось пригодится!

Ванька зеркальце за пазуху спрятал, поднял палицу в сто пудов и на коня вороного вскочил. Оглянулся Ванька — нет ни Лешего, ни избы.

Только тёмный лес стоит, да где-то филин кричит.

В столице Ванька первым делом в царский сад забрался на царевну поглядеть, зеркальце ей подарить. Вот дождался он, вышла утром царевна погулять. Глядит Ванька: Леший правду сказал. Светла царевна, как солнышко, глаза звёздами сияют, блестит месяц под косой. Распевает царевна соловушкой, а ласкова, нет ли — откуда знать?

Не посмел Ванька с царевной заговорить. Подкинул зеркальце на тропиночку. И как только царевна зеркальце увидела, подняла — Ванька со всех ног из сада бежать, да на коня, да вскачь. Прямо на двор к воеводе, в поход проситься.

Воевода Подскокович войско собрал превеликое. Пешее и конное. Ваньке по его крестьянскому виду велел позади всех встать.

Вот шло войско и день, и два, а на третий с Идолищем встретилось. Ползёт Идолище поганое. Позади хвост на семь вёрст тянет. Впереди семь голов несёт. Где лапой Идолище ступит — яма. Где брюхо проволоочит — ров.

Из ноздрей пламя пышет, с алых языков горячей смолой слюни текут.

Не знает воевода, как к Идолищу поганому подступиться.

Поставил конных воинов впереди, пеших сзади. Идолище на войско двигается, не боится. Поставил пеших впереди, конных позади. Идолище не страшится, надвигается. Того и гляди войску смерть.

Подползло Идолище близко да как взревёт!

От такого рёву неслыханного присели кони. Попадали пешие воины.

Тут Ванька поскорей моху в уши натолкал и вперёд выехал. Взревело Идолище поганое во второй раз. Затряслась земля, и покатилося войско кувырком. А воевода Подскокович в страхе на берёзу подскочил и сидит там ни жив ни мёртв.

А Ваньке хоть бы что! Не слышать ему рёва Идолищева. Не страшится, не пьётся конь вороной. Ванька Идолище кругом объехал да и вскочил ему на хвост, а оттуда на спину. Да как хватил Идолище поганое по башке стопудовой палицей!

Сникла одна Идолищева голова. Угас огонь. Не валит из пасти дым. А Ванька стопудовой палицей ударил по другой меж глаз — они и выкатились.

— Это кто-о меня-я та-ак? — взвыло Идолище.

— Это Иванище тебя так! — вскричал Ванька.

Да по башкам, по башкам стопудовой палицей!

И так и сяк Идолище поганое головами ворочает — не может достать Ваньку со спины.

А когда от семи голов одна осталась, взревело Идолище:

— Пощади меня, Иванище! Я вспять пойду!

— Ан нет же, Идолище поганое! — отвечает Ванька. — Сейчас ты вспять, а потом опять?

И ударил стопудовой палицей в последний раз. Тут из Идолища и дух вон.

Съехал Ванька с Идолища, воеводу спрашивает:

— Ты зачем, воевода, на берёзу влез?

— Поглядеть, не идёт ли ещё какой враг! — отвечает воевода Подскокович.

Спустился воевода, приказал Ваньке с коня слезть и

на берёзу влезть. Да строго-настрога велел не слезать, пока смену не пришлют. А сам на Ванькиного коня вороного вскочил и к войску поскакал.

— Я один на один Идолище победил! — сказал воевода войску. — Кричите мне славу!

— Слава, слава воеводе Подскоковичу! — вскричало войско.

Издали-то не видно было, кто Идолище одолел, кто на берёзе сидел. А только того никто не знал, не ведал, что всё то время смотрела царевна в зеркальце. И царю с боярами давала поглядеть. И все-то видели, как сражение с Идолищем семиглавым шло.

Однако от царя указ был к свадьбе готовиться. Да только жених не назван. Вот вышел царь с царевной и боярами на Красное крыльцо воеводу Подскоковича встречать. И лишь воевода коня у Красного крыльца остановил, обернулся конь вороной в козла рогатого, бородатого.

Что тут было народу, бояр, слуг и стражи — так все и обмерли. А как опамятавались — за животы схватились: «Ну и конь под воеводой!»

А воевода Подскокович, что и думать, не знает. От стыда и страха ни жив ни мёртв на козле сидит.

Царь сказал:

— За службу тебе, воевода, спасибо. А за плутню вот тебе моя воля: скачи на козле к берёзе. Вели Ивану-воину с берёзы слезть, а сам на берёзу влезь. И сиди там, пока не вызову!

Делать нечего. Царя послушаться — головы лишиться. Поехал воевода Подскокович на козле. Козёл подпрыгивает, воевода на нём подскакивает. Все встречные-поперечные пальцами на него показывают, от козла носы отворачивают. Пока воевода доехал, все косточки порастряс. А уж сраму, сраму натерпелся — не избыть!

Под берёзой воевода с козла долой и кричит:

— Скорей слезай, Ванька! Смена тебе пришла!

Слез Ванька и спрашивает:

— А где, воевода, мой конь?

Тут козёл рогатый мигом в коня вороного обернулся. Ванька в седло — и вскачь. И через время короткое очутился в царском дворце. А там уж к свадьбе всё готово. Царевна ждёт его не дожётся, невестой убрана. Ванькины отец с матерью за столом сидят, на свадьбу званы.

Потом был пир на весь мир. Что мёду хмельного было выпито! Что гусей-лебедей жареных съедено!

А когда Ванька сам царём стал — первым делом указ издал: мужикам горох не караулить и на потраву не жаловаться.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЛЫЙ ПОЛЯНИН

В некотором царстве, некотором государстве умер царь, а с ним и царица. Остались после них на царстве три сестры-царевны и царевич Иван. Царевны-красавицы, умницы, а Иван-царевич и того лучше. Да только... робок он был и поспать любил.

Вот узнали соседние короли, что царь умер, и пошли на Ивана-царевича войной.

Испугался Иван-царевич, прибежал к сёстрам.

— Что мне делать? — спрашивает. — Все короли поднялись на меня войной. Царь Рамзай к столице с войском подходит.

А сёстры-красавицы ему говорят:

— Чего ты испугался? Вон Белый Полянин тридцать лет с Бабой Ягой, золотой ногой воюет! Он с коня не слезает, а ты с кровати.

И принялись царевны над Иваном-царевичем смеять-

ся. Рассердился Иван-царевич, созывать своё войско велел. Вот надел он на себя кольчугу и шишак, взял меч тяжёлый, взял копьё долгомерное, сел на коня могучего. А тут и дружина боевая в сборе. Славу кричат Ивану-царевичу, радуются, что не оробел он перед неприятелем.

Прозвенела труба серебряная, отворились ворота, и вышло из города войско Ивана-царевича врагу навстречу.

Прозвенела труба серебряная во второй раз. Началась жестокая битва.

Иван-царевич не столько мечом рубит, сколько конём топчет. Не успело вражеское войско опомниться, как всё полегло.

Прозвенела труба серебряная в третий раз. Окончилась славная битва.

Вернулся с войском Иван-царевич в город-столицу, а там к празднику всё готово. Быки с баранами целиком зажарены. Поставлены столы на площади. Бочки с мёдом хмельным сами из погребов выкатились. Собрался пировать весь честной народ! Ни пройти, ни проехать. Пришлось воинам-дружинникам прямо с сёдел — и за столы. То-то праздник был! Да и то сказать: как победе над врагом не радоваться?!

Только Иван-царевич ничего не видал. Он в своей царской спальне спал. И проспал без просыпу четверо суток. А на пятые сутки худая весть пришла. Собрали короли соседние войско больше прежнего и опять идут войной на Ивана-царевича.

Опечалился Иван-царевич, опять пошёл к царевнам, горько им жалуется:

— Короли соседние снова на нас войной идут. Что мне, сестрицы, делать?

— Какой же ты воин? — принялись над ним царевны смеяться. — Один день воевал, четверо суток спал. Вон Белый Полянин с Бабой Ягой, золотой ногой тридцать лет воюет, с коня не слезает, отдыха не знает.

Ушёл Иван-царевич от сестёр сердитый. Приказал свою дружину богатырскую к бою звать. А сам доспехи боевые

надел, взял тяжёлый меч и долгомерное копьё, на коня могучего сел, поскакал впереди войска врагу навстречу.

То не ясен сокол налетает на стаю гусей-лебедей. Нападает Иван-царевич на вражье войско. Не столько копьём колет, сколько конём топчет.

Вот и опять звенит труба серебряная, поёт победу. Кричат храбрые воины Ивану-царевичу славу. А как домой Иван-царевич вернулся — сразу спать. И проспал непробудно шесть суток кряду.

Однако седьмые сутки спать не пришлось. Разбудили его сёстры-царевны и говорят:

— Иди, братец, воевать! Иноземные короли втрое больше прежнего войско привели. Под стенами столицы стоят!

Иван-царевич и так и сяк, и на тот бок и на другой переворачивается, отговаривается:

— Может, как-нибудь обойдётся? От королей откупимся, лишний раз поклонимся...

Но сёстры царевны не соглашаются, над Иваном-царевичем смеются:

— Вот не слышит тебя Белый Полянин! Вот бы он над тобой потешился!

Рассердился, разобиделся Иван-царевич на сестёр-царевен и отправился воевать. Он и в этот раз королей победил и мир с ними заключил на вечные времена.

После сражения захотел Иван-царевич завалиться спать на двенадцать дней, а ему и часу не спалось. Всё Белый Полянин на уме. Как это он тридцать лет с Бабой Ягой воюет, тридцать лет с коня не слезает, отдыха не знает?

С боку на бок Иван-царевич переворачивается, а сна нет как нет.

Прибежал тогда Иван-царевич к сёстрам и говорит:

— Я поеду на Белого Полянина поглядеть!

— Давно бы так! — обрадовались царевны.

Вот поехал Иван-царевич в чужие страны, Белого Полянина искать.

Едет он и день и два. Да где ни остановится, у кого ни спросит — всё про Белого Полянина слыхали, а видать не видали. И где он воюет, никто не знал.

Долго ли, коротко ли ездил Иван-царевич, а только как-то заехал в тёмный лес. Видит он: избушка стоит. В ней стар человек живёт.

Иван-царевич вошёл к нему и говорит:

— Здравствуй, дедушка!

Стар человек ему отвечает:

— Здравствуй, русский царевич! Куда путь держишь?

— Белого Полянина ищу. Все про него слыхали, а никто не видал. Может, ты, дедушка, к нему путь укажешь?

А стар человек Ивану-царевичу отвечает:

— Белый Полянин с Бабой Ягой воюет. А где у них война идёт, мы сейчас спросим.

Стар человек на крылечко выступил, на дудочке неслышной заиграл.

Налетело со всех сторон птиц перелётных видимо-невидимо.

И ещё летят. В небе от них черно, в поле темно. Тут и утки с куликами, и журавли с цаплями, скворцы, грачи, ласточки.

— Эй, вы, птицы перелётные, не видал ли кто, не слышал ли чего про Белого Полянина?

— Мы видом не видали и слыхом не слыхали,— ответили птицы перелётные.

— Ну, царевич, я тебе не помог — старший брат мой поможет. Вот тебе клубочек, пусти клубочек перед собой. Куда он покатится — туда и ты за ним,— сказал стар человек.

Иван-царевич ему поклонился, птицам шапкой помахал. Взял клубок, пустил его впереди себя.

Едет, едет Иван-царевич, а лес всё глуше. Едет, едет, а он всё темней. Выкатился клубок на поляну, а на ней избушка стоит. На крылечке старик сидит, седой, как лунь. Борода белая от глаз до полу.

— Здравствуй, дедушка!— сказал Иван-царевич.

— Здравствуй, русский царевич! Куда путь держишь?— ответил старичок.

— Ищу Белого Полянина, а найти не могу. Укажи к нему дорогу, дедушка!

— Белый Полянин с Бабой Ягой, золотой ногой воюет. А где у них война идёт, сейчас спросим.

Вынул старичок из-за пазухи дудочку и на дудочке неслышно заиграл.

Тут откуда ни возьмись набежало зверьё всякое. Олени рогами трясут, волки зубами щёлкают, лисы хвостами метут, зайцы ушами прядут. Собралось их тут видимо-невидимо. За мышами ежей не видно. За лягушками медведей не видать. И ещё бегут.

Старичок их спрашивает:

— Эй вы, звери большие и малые! Не видал ли кто, не слышал ли чего про Белого Полянина?

— Видом не видали, слухом не слышали!— ответили звери.

— А ну, меж собой рассчитайтесь!— приказал старичок.— Может, не все пришли?

Рассчитались звери меж собой— нет кривой волчицы. Побежали за ней, привели.

— Ты чего, матушка, на зов не идёшь, гонцов к себе ждёшь?— сказал старичок строго.

А кривая волчица ему в ответ:

— Я на поле бранном была. Громко там кони ржут и мечи звенят. Я твоего зова не расслышала.

— А кто на том поле бьётся?— спросил старичок.

— Войско Белого Полянина с войском Бабы Яги, золотой ноги,— ответила кривая волчица.

— Отведи царевича к Белому Полянину,— приказал старичок волчице.

Иван-царевич старому старичку поклонился, зверям шапкой помахал и поехал. Кривая волчица впереди бежит, конь за ней следом ступает.

Вот приехал Иван-царевич на бранное поле. Видит: лежат воины убитые, над ними вороны व्यются. А кто кого победил — неведомо.

— Никто никого победить не может,— сказала кривая волчица.— Всякий раз оба войска костями ложатся до последнего воина.

— А Белый Полянин где?— спросил Иван-царевич.

— Поехал новое войско к утру собирать.

— А Баба Яга где?— спросил Иван-царевич.

— Здесь её нет, простыл и след,— отвечает волчица.— Ушла злой воды напиться, силы набраться, пока мастера ей новое войско делают.

Захотелось Ивану-царевичу поглядеть, откуда Баба Яга войско себе берёт. Привела его кривая волчица к яме, а сама убежала волчьих стаи на пир звать. Полез Иван-царевич в яму. Там ему открылся подземный дом.

Видит Иван-царевич: за решёткой на семистах столах в семь рядов портные сидят.

— Что, портные, шьёте?— спросил Иван-царевич.

А они отвечают:

— Для Бабы Яги, золотой ноги войско шьём!

— Как это вы его шьёте?— спрашивает Иван-царевич.

— Так вот и шьём: что кольнём иглою — то и готов человечек тряпочный. Потом на солнышко вынесем — станут они настоящими воинами, с мечом, щитом, с медной шапкой на башке.

Подивился Иван-царевич и говорит:

— Скажите, люди добрые, мастера великие, а нельзя ли воинов в человечков тряпочных обратить?

— Отчего нельзя? Можно!— отвечают мастера.— Они живы до первого дождичка. А как под дождик попадут, снова станут тряпочными. Баба Яга про это не знает, а ты знай.

Пошёл Иван-царевич дальше.

Видит: за железной решёткой сидят в семь рядов семьсот гончаров и глину месят.

— Вы что, почтенные мастера, делаете?— спрашивает их Иван-царевич.

— Мы коней для войска Бабы Яги, золотой ноги лепим,— отвечают ему гончары.

— Как же это вы коней из глины лепите?— спрашивает Иван-царевич.

— А так и лепим: глину хлоп, по глине шлёп — и готова лошадка глиняная. Потом, как на солнце вынесем, станут они конями настоящими.

— А нельзя ли этих коней опять в глиняных лошадок обратить?— спросил Иван-царевич.

— Отчего нельзя? Эти кони до первого дождичка. Только Баба Яга об этом не знает, а ты знай.

— Где таких мастеров себе Баба Яга нашла?— удивился Иван-царевич.

— А мы со всего света собраны. Мы у неё должники,— отвечают гончары.

— А не хотите ли, мастера, на волю из подземелья выйти, по своим домам разойтись?

— Где там!— махнули рукой мастера.— Мы за решёткой сидим. А выход на белый свет Баба Яга караулит.

Иван-царевич тогда и говорит гончарам:

— Бабы Яги нет, простыл её след. Возьмитесь-ка за решётку да дёрните разом.

Захотелось гончарам узнать, что из этого выйдет. Взялись каждый одной рукой за решётку и дёрнули в семьсот рук. И напроць решётку выдернули. Побежали гончары к портным показывать, как надо решётки железные ломать.

Иван-царевич спросил мастеров, много ли войска они Бабе Яге изготовили.

Те ответили:

— Сорок сороков больших коробов воинов тряпочных да столько же и конишек глиняных.

— Выносите их на солнышко,— велел Иван-царевич мастерам,— да бегите прочь по домам. А я к Белому Полянину поскачу.

Тем временем Баба Яга, золотая нога злой воды напилась, силы набралась, к подземелью бежит. Увидела войско — обрадовалась. Приказала войску на Белого Полянина ударить.

А Иван-царевич к Белому Полянину прискакал и говорит:

— Про тебя, Белый Полянин, земля слухом полнится. Правда ли, что ты тридцать лет отдыха не знаешь, с коня не слезаешь?

— Правда,— отвечает Белый Полянин.

— А за что ты с Бабой Ягой, золотой ногой воюешь?

Отвечает Белый Полянин Ивану-царевичу:

— Жили здешние люди по чести, по совести. Пришла Баба Яга, стала торговать. Взяла должников в кабалу. Хочу я Бабу Ягу одолеть, людей из кабалы вызволить.

— Тогда послушай, Белый Полянин, моего совета. Отведи своё войско за речку. А что дальше будет, сам увидишь.

Взглянул на русского царевича Белый Полянин и раз и два недоверчиво, а взглянул в третий раз — и поверил.

Что к чему Ивана-царевича расспрашивать не стал, приказал войску своему отойти за речку.

А войско Бабы Яги надвигается. Мечами о щиты гремит — за сто вёрст слышно. Грозные клики выкликивает — мёртвые от страха дрожат.

Махнула Баба Яга костяной рукой, притопнула золотой ногой. И пошли войска вброд через речку.

Да только ступили кони в воду — размыло их волной.

Намочило воинов водой, обернулись они опять в человеческих тряпочных, намокли и потонули.

Кинулась Баба Яга в реку своё войско спасать, из воды вытаскивать, да забыла, что у неё нога литая, золотая, тяжёлая. Чуть было не утонула Баба Яга, золотая нога в реке, насилиу выбралась, убежала вся мокрая.

После того распрощались Иван-царевич с Белым Полянином и разъехались по своим землям, впредь назвавшись братьями. А Баба Яга, золотая нога по свету рыщет, мастеров-должников ищет. Да где там! Все мастера от неё прячутся, никто больше в кабалу не даётся.

МУДРАЯ ЖЕНА

В некотором царстве, некотором государстве жили-были три брата: двое умных, а третий дурачок.

Пришло время старику помирать, вот и надумал он перед смертью наделить сыновей добром, какое за свою жизнь нажил.

Отдал он старшему сыну дом со всем хозяйством — с лошадьми и коровами, овцами и свиньями. Среднему дал сто рублей. А младшему, Иванушке, ничего давать не хотел. Всё равно, мол, у дурачка всякое добро прахом пойдёт.

Но Иванушка попросил отца:

— Дай, отец, и мою долю, какая б она ни была.

А отец ему и говорит:

— Возьми себе кошку с собакой.

Вот отец умер. Похоронили его сыновья и стали добро делить, как отец завещал. Взял старший брат дом со всем

хозяйством. Средний спрятал за пазуху сто рублей. А младший, Иванушка-дурачок, взял себе кошку с собакой.

Старший брат остался хозяйствовать. Средний завёл торговлю. А Иванушка с кошкой и собакой пошёл куда глаза глядят.

Вот пришёл он к большой реке. Куда дальше идти, не знает. Увидал Иванушка-дурачок, плывёт по реке корабль, стал звать-кричать. Корабль и пристал к берегу.

— Чего тебе, парень?— спрашивает корабельщик.

— Перевези на ту сторону,— говорит Иванушка.

— А куда ты идёшь?— спрашивает корабельщик.

— Не знаю,— отвечает Иванушка-дурачок.

И рассказал корабельщикам, как у отца с братьями жил, да как с ними отцово добро делил.

Пожалел дурачка корабельщик и говорит:

— Нечего тебе, Иванушка, зря ходить, время проводить. Поступай ко мне на службу матросом.

— А куда вы плывёте?— спрашивает Иванушка корабельщиков.

— Из реки в море. За семью морями, в чужедальних странах будем торг вести,— отвечают корабельщики.

— Я к вам в матросы поступлю,— сказал корабельщикам Иванушка-дурачок,— если вы меня с кошкой и собакой возьмёте.

Корабельщики рукой махнули: чего, мол, с глупого взять! И пустили Иванушку на корабль вместе с кошкой и собакой.

Вот плывут они из моря в море. У всех работы довольно: кто с парусами управляет, кто снасти чинит, кормчий правит, собака дремлет, одним глазом за порядком поглядывает. А кошка в трюме ловит мышей, чтобы товары не испортили.

Наконец после долгого плавания прибыли корабельщики в такую дальнюю сторону, про которую и сами раньше не слыхивали.

Только и здесь, как везде: купец торгует, солдат воюет, бедный богатому кланяется.

Продали корабельщики свои товары с большой выгодой. Хотели с якоря сниматься, домой плыть, да хватились, что Иванушки-дурачка нет.

А Иванушка с кошкой и собакой по городу идёт, за ним толпа. Все на кошку глядят и диву даются. Не было в этой стране кошек. Никто здесь эдакого зверя усатого-хвостатого не видывал.

Солдат прискакал, велит идти Иванушке к здешнему царю. Тот поглядеть на зверя невиданного захотел.

Пришёл Иванушка-дурачок к царю. А царь поглядел на кошку и говорит:

— Как этот зверь называется?

— Кошка,— отвечает Иванушка.

— А что ест этот зверь кошка?— снова царь любопытствует.

— Мышей,— отвечает Иванушка,— да не столько ест, сколько для потехи давит.

Царь с придворными только ахнули:

— Ах, какой нужный зверь!

Мыши здесь были страшным бедствием. Они знали, как мышеловки устроены, будто сами их придумали.

Царь сказал:

— Если ты правду говоришь, чужеземец, что кошка может поймать мышь, я дам тебе за этого зверя десять бочек золота.

Тогда Иванушка-дурачок кошку на пол опустил и говорит царю:

— Вели бочки с золотом ко мне на корабль отвезти.

Не успел Иванушка этих слов досказать, как у кошки мышь в зубах. Их тут было видимо-невидимо. Потому и трон у здешнего царя золотой был: чтоб мыши не грызли.

Царь на радостях, что такого зверя купил, велел к десяти бочкам золота прибавить ещё одну — с серебром.

Вот привезли царские слуги на пристань одиннадцать бочек и стали грузить на корабль.

Корабельщики им кричат:

— Не сюда! Не сюда! Это не наше!

А Иванушка-дурачок подошёл и говорит:

— Сюда, сюда! Это я наторговал.

Корабельщики было в хохот, да не пришлось им посмеяться. Иванушка всё им рассказал, как было, а царские слуги в том заверили. Вот и стал Иванушка-дурачок богачом. Теперь бы только домой из-за семи морей вернуться.

Плыли корабельщики назад, как вперёд. Повар жарил, кормчий правил, а собака за порядком поглядывала.

Вот в чёрный день поднялась на море страшная буря. Отнесло корабль неведомо куда. Пригнало в незнакомую сторону.

Когда буря поутихла, пристал корабль к берегу. Оказалось, и тут люди живут! Только здешние жители давно забыли, как их страна называлась раньше. А теперь она называлась Котовией, потому что кошек и котов тут развелось видимо-невидимо!

Заняли кошки и коты все дома, с чердаков до подвалов. Людям ни ступить, ни голову приклонить негде. Попадали кошки все припасы, выпивали молоко. Царя по ночам коты до смерти пугали. И никто здесь не знал, как на кошек страху нагнать, чтобы хоть немного людей боялись.

Пока корабельщики на пристани торг вели, Иванушка-дурачок ходил по городу со своей собакой. А за ним толпа. Все на собаку глядят не наглядятся. Ведь никто в этой стране собак не видывал.

Вот собака, не долго думая, загнала одну кошку на забор, другую на дерево. Закричали люди ура. Солдат прискакал, народ прогнал, велел Иванушке идти к здешнему царю своего зверя невиданного показывать.

Иванушка-дурачок первым делом собаку на кошек натравил. Разогнала она кошек и такого им страху задала, что царь заплакал от радости.

— Оставь мне этого храброго зверя, чужеземец,— сказал царь,— а я тебе за него десять бочек золота дам и ещё две — серебра.

На том и сошлись.

Вот привезли царские слуги на пристань бочки с золотом и серебром, стали на корабль грузить. А корабельщики кричат:

— Не сюда! Не сюда! Это не наше!

А Иванушка подошёл и говорит:

— Сюда, сюда! Это я в городе наторговал.

И всё рассказал корабельщикам.

Как бы долго ни плыть, а дома быть. Вернулись корабельщики в свои края. На маковки церковей покрестились, родной земле поклонились, стали корабль разгружать.

Иванушка свои бочки с золотом и серебром на берег выкатил и принялся раздавать деньги бедным людям.

Подходит последним старый старичок, Иванушка ему монету отдал и спрашивает:

— Скажи, дедушка, а чего мне самому надо?

— Надобна тебе мудрая жена,— ответил ему старичок.

— А где её взять?— спрашивает Иванушка.

Старик ему и говорит:

— Ступай к ручью, ложись на мосток, смотри в воду. Будет проплывать всякая рыба, и большая и маленькая. Все будут друг дружку поталкивать, покусывать, вокруг себя воду мутить. А среди них поплывёт плотичка малая. Никого она не заденет, вокруг себя воды не замутит. Ты её ухвати и через себя о сыру землю брось.

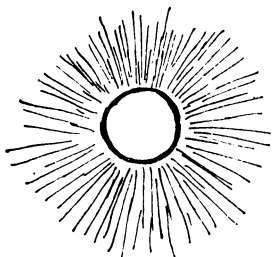
Иванушка так и сделал. Пришёл к ручью, лёг на мосток и смотрит в воду пристально. Видит он: плывёт под мостком всякая рыба. Друг дружку покусывает, вокруг себя воду мутит. Только одна рыбка, плотичка малая, среди них плывёт, никого не задевает, воду не мутит.

Изловчился Иванушка, ухватил плотичку да и бросил через себя о сыру землю. Обратилась рыбка красной девицей.

— Здравствуй, милый друг!— молвила девица ласково.

Взялись они за руки и пошли.

Вот застала их ночь в чистом поле. Иванушка-дурачок лёг и уснул. А красная девица кликнула — явились двенадцать молодцов.

— Постройте нам дворец белокаменный под золотой крышей. А во дворце куда ни ступи — ковры, куда ни повернись — зеркала. В спальне кровать широкая под красным пологом.

Проснулся Иванушка на этой кровати и говорит:

— Где я?

— А девица отвечает:

— Ты, Иванушка, в своём дворце. А я твоя жена.

— Экая ты мудрая, — подивился Иванушка-дурачок.

И стали они жить-поживать.

Но увидели дворец два боярина — Толстый и Толще Толстого. Побежали сказать царю: дескать, в чистом поле сам собою вырос за ночь дворец с золотой крышей.

Царь был молодой, захотелось ему самому на эдакое диво взглянуть. Он и поехал. С громом, звоном, в золотой карете, со стражею на конях. Вот глядит царь: и впрямь в чистом поле дворец стоит красоты невиданной. «В таком только царю жить», — подумал он и велел ломать ворота.

Вошёл царь в палаты, нашёл Иванушку-дурачка в кровати, велел страже за шиворот его поднять.

— Это ты за одну ночь дворец выстроил? — спрашивает Иванушку.

— Сам не знаю, как оно вышло, — отвечает Иванушка. — Лёг на землю, а проснулся во дворце.

Тогда царь молодой и говорит:

— Если мог ты за одну ночь себе такой дворец вымахать, то построй мне через всё царство мост. Да чтоб одна мостина была золотая, а другая — серебряная. А не выстроишь за три дня, то мой меч, твоя голова с плеч.

И уехал. С громом, звоном, в золотой карете, со стражею на конях.

Пригорюнился Иванушка-дурачок. Пошёл он к своей жене и говорит ей:

— Прощай, жена. Видно, мне на свете жить недолго осталось. Приказал царь за три дня построить через всё царство мост. Да чтоб одна мостина была золотая, другая серебряная. А не поставлю мост, снимет с плеч мою голову.

— Ничего, муженёк, — отвечает жена. — Ты об этом и не думай. Ступай свои сны досматривай.

Пошёл Иванушка-дурачок, доспал день, да заодно и другую ночь. А как встал — мост увидал. Стоит мост, неведь откуда взявшись. Одна мостина сверкает золотом, другая блестит серебром. Через всё царство мост невиданный перекинулся. По нему купцы, гонцы едут, скачут и всякий народ идёт.

Не успел Иванушка почесаться, не успел лицо водой ополоснуть, как царь снова на дворе.

— Хороша твоя работа! — хвалит он. — А теперь сделай так, чтоб по сторонам моста росли яблоньки, на тех яблоньках висели бы спелые яблочки и пели бы птицы райские. На всё про всё тебе одна ночь. А не сделаешь — то мой меч, твоя голова с плеч!

И укатил. С громом, звоном, в золотой карете и стражниками на конях.

Ниже плеч повесил голову Иванушка. Пришёл он к своей жене, а она его спрашивает:

— Зачем, муженёк, к нам царь приезжал? Отчего, муженёк, ты невесёлый ходишь?

— Да и как мне весёлым быть? — отвечает Иванушка-дурачок. — Царь приказал, чтобы завтра по обе стороны моста росли яблони. На яблонях спелые бы яблочки висели да птицы райские пели. А не будет этого — снимут с плеч мою голову.

— Ничего, Иванушка, — говорит ему жена. — Не печалься раньше времени. Если завтра горе, завтра и горевать.

Взяла она Иванушку за руку, повела за стол сажать, пирогами потчевать.

А наутро встал Иванушка-дурачок, глядит: всё, что царём велено, давно сделано.

Стоят по обе стороны моста кудрявые яблони, на них румяные яблочки висят, на ветвях райские птицы сидят, песни распевают.

«Ну, — думает Иванушка, — теперь царь от меня отвяжется». А царь, на помине лёгок, вкатил во двор с громом-звоном и кричит:

— Иван! Почему яблоки на яблонях несладкие?!

Смотрит Иванушка-дурачок: жена его идёт, на золотом блюде яблоки несёт. Царь яблоко попробовал — зажмурился.

— Ух, сладкие! — говорит.

Съел царь яблочко, на жену Иванушки глянул. Вот он раз на неё поглядел — глаза отвёл. Опять взглянул — и разгневался:

— Отчего, Иван-дурак, я твоей жены раньше не видал?

А Иванушка что и подумать не знает, что и сказать не смеет. Царь, совсем осердясь, на кого неведомо, приказал Иванушке:

— Ступай, Иван-дурак, на тот свет, к моему отцу-покойнику. Спроси у него, где он казну от меня спрятал. А не сходишь да не спросишь — вот мой меч, твоя голова с плеч.

И укатил. Без грома. Без звона. Тихо. Всё на жену Иванушки оглядывался.

Опустил Иванушка голову ниже плеч, говорит жене:

— Эх, кабы знать мне дорогу на тот свет! Я бы у покойного царя выпросил, где он казну от сына спрятал.

— На тот свет, муженёк, дорог много. А вот оттуда никто не возвращался. Ну, да вот тебе клубочек. Куда он покатится, туда и ты иди. Только прежде сходи в сад, принеси три прутика.

Принёс Иванушка прутики, а жена ему говорит:

— Ты надолго идёшь, как бы я царю молодому не приглянулась. Ты ударь меня прутиками трижды. Да не страшись того, что со мной станется. Когда вернёшься, я тебя прежняя встречу.

Ударил Иванушка жену тремя прутиками трижды. Обратилась она в камень, а дворец — в каменную гору.

Страшно стало Иванушке-дурачку, да вспомнил он: жена страшиться не велела. Обещала, когда он вернётся, встретить его прежняя.

Вот отправился Иванушка на тот свет. Пустил перед собой клубочек и пошёл за ним. Куда клубочек катится,

туда Иванушка идёт. Клубочек катился, катился, к морю синему прикатился.

Расступилось перед ним море на две стороны, а за клубочком и Иванушка посуху пошёл.

Вот перешёл Иванушка-дурачок море посуху и очутился на том свете.

А здесь на старом царе как раз черти дрова в пекло везли. Иванушка-дурачок и говорит старому царю:

— Меня молодой царь прислал узнать, где ты казну от него спрятал.

Старый царь сказал Иванушке, где он спрятал казну, и велел сыну передать, чтоб раздал молодой царь всю казну бедным людям. С тем и отправился Иванушка с того света домой.

Вот опять расступилось перед клубочком море синее на две стороны. Снова посуху море перешёл Иванушка. И очутился на этом свете.

Клубочек катится, а Иванушка-дурачок идёт, радуется: «Вот раздаст молодой царь бедным людям отцову казну, то-то праздник великий будет!».

Долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли — прикатился клубочек в дремучий лес. В лесу избушка стоит, и выше крыши куча щепок за ней.

Вошёл Иванушка в избушку, глядит: забита изба стружками до потолка.

Принялся Иванушка стружки-щепки выгребать и нашёл в них старого старичка. Сидит старый старичок и гусли новые в руках держит.

— Здравствуй, дедушка!— сказал Иванушка.— Пусти переночевать.

— Ночуй!— ответил старый старичок.— А куда ты путь держишь?

— Я на том свете был, с царём покойным говорил. А отчего у тебя, дедушка, щепок выше крыши за избой?

— Сделал я, сынок, гусли. За работу сел молодым, а только сейчас кончил. Зато гусли получились не простые — гусли-самогуды. Кто б ни взял их — они играть;

кто б ни услышал — сейчас плясать. Только не знаю, кому их отдать.

— Отдай мне, — сказал Иванушка-дурачок. — Вот раздаст молодой царь бедным людям отцову казну, то-то будет праздник! Твои гусли тут в самый раз.

— Бери гусельки, — сказал старый старичок. — Да смотри, чтоб без дела не пылились.

И отдал гусли-самогуды Иванушке.

Переночевал Иванушка-дурачок в избушке и чуть свет дальше пошёл.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Повстречался Иванушке на большой дороге разбойник с чёрной бородой, шалыми глазами.

— Отдай гусли! — говорит разбойник.

— Не отдам! Это гусли не простые, гусли-самогуды для большого праздника, — отвечает Иванушка-дурачок.

— А у меня как раз большой праздник: я богатым стал, — говорит разбойник, а сам шалыми глазами поигрывает, дубинкой своей помахивает.

Но Иванушка гусли-самогуды разбойнику не даёт.

— Тогда давай поменяемся, — сказал разбойник. — Ты мне гусли, а я тебе дубинку.

— А зачем мне твоя дубинка?— отвечает Иванушка-дурачок.

— Да ведь она не простая,— хвалится разбойник,— ей скажи: «Бей-колоти!»— она тотчас сама начнет бить-колотить. Будь тут хоть целое войско — всех отколотит.

— Ну, когда так, давай твою дубинку,— говорит Иванушка.

Отдал он гусли разбойнику, взял у него дубинку да и сказал: «Бей-колоти!».

Принялась дубинка разбойника бить-колотить! А Иванушка приговаривать:

— Не разбойничай! Не разбойничай! Не разбойничай!

Убежал разбойник едва жив и гусли-самогуды бросил. А Иванушка-дурачок гусли-самогуды взял, дубинку прихватил и пошёл в своё царство.

Долго ли, коротко ли, а вернулся Иванушка-дурачок домой.

Семи шагов до горы каменной не дошёл Иванушка — обратилась гора снова во дворец. Трёх шагов до камня не дошёл — обернулся камень женой ласковой.

— Здравствуй, свет-муженёк!— сказала она своему Иванушке и расцеловала его на радостях.

Вот отправился дурачок к царю. Прихватил с собой гусли-самогуды и палку «бей-колоти».

А во дворце известно стало, что Иван-дурак с того света вернулся.

Встретил его царь молодой ласково:

— Долго ходил, Иванушка! Уходил, поди. Сказывай, что отец мой передал. Где он казну от меня спрятал?

— Лежит казна в глубоких подвалах, за каменной стеной...— отвечал Иванушка-дурачок.

И стал было рассказывать Иванушка, как на старом царе черти в пекло дрова возят, да молодой царь слушать не стал. Велел поскорей звать работников, приказал каменную стену ломать, поскорей доставать из подвалов казну.

Тут Иванушка ему и говорит:

— Старый царь велел тебе всю казну бедным раздать.

— Ах ты, Иван-дурак, ты меня ещё учить вздумал! — затопал ногами, закричал царь на Иванушку. — Взять его! Казнить его!

А Иванушка-дурачок и скажи своей дубинке: «Бей-колоди!». А гуслиам-самогудам: «Играйте, гусли!».

И началась потеха!

Дубинка царя бьёт, бояр колотит, стражу с ног валит. А гусли играют! А битые и небитые хотят не хотят — пляшут.

Они пляшут, а дубинка их подгоняет. До тех пор она била-наколачивала, пока не побежали все — и царь, и бояре, и стражники — без оглядки из царства прочь.

Бежали по мосту, не разбирая, какая мостина золотая, какая серебряная. Бежали мимо яблонь с румяными яблоками, райских птиц не слушали. А кто замешкался, тому дубинка «бей-колоди» вдвое добавила. А кто оглядывался — тому ещё.

Потом Иванушка раздал царскую казну бедным людям и сам стал царствовать.

Палку «бей-колоди» он подальше спрятал. А чтобы гусли-самогуды без дела не пылились, мудрая его жена их на площадь вынесла.

Теперь кто мимо ни пройдет — послушает. А как услышал — сейчас плясать.

СКАЗКА О ВАСИЛИСЕ- КРАСЕ, ЗОЛОТОЙ КОСЕ И ОБ ИВАНЕ-ТОРОХЕ

Жил-был царь Светозар. Велико было царство Светозарово. Города в его царстве богатые, нивы тучные. Кораблям Светозаровым счёту нет, а серебру и золоту — меры.

Было у Светозара два сына-богатыря.

Но более всего дорожил царь Светозар дочкой-красавицей. А звали её Василиса-Краса, золотая коса.

Двадцать лет минуло Василисе-Красе, а никто из богатей её лица не видал, никто её косой золотой не любовался. Но как ни прятал, ни таил от людей свою дочь Светозар, узнали о её красоте в разных концах земли. И когда разослал царь гонцов с вестью, что Василиса-Краса, золотая коса, дочь Светозарова будет себе жениха выбирать, наехали все короли молодые да королевичи, цари неженатые да царевичи.

Вышла однажды из терема Василиса-Краса, золотая коса на женихов взглянуть издали. И только она по двору

пошла, откуда ни возьмись прилетел на огненном коне рыцарь со змеиной головой. Подхватил он Василису-Красу и умчал неведомо куда.

Во дворце Светозаровом не пир, не свадьба, плач и стон стоят: унёс Василису-Красу, золотую косу, русскую царевну лютый змей.

А умчал он её далеко-далеко — за горы высокие, за реки широкие, за моря глубокие, в своё Лютозмеево царство.

Опечалились цари и царевичи, короли и королевичи — незадачливые женихи, разъехались по своим землям. А братья-богатыри стали батюшку просить:

— Отпустите нас, батюшка с матушкой, нашу сестру Василису-Красу отыскать, лютого змея наказать.

— Куда же вы, дети, поедете, где сестру свою, дочь нашу ненаглядную, искать будете?— спросил сыновей Светозар.

А братья ему отвечают:

— Не пойдём мы, куда дороги ведут, не поплывём, куда реки текут, а поедем туда, откуда ветры дуют студёные, откуда тучи бегут чёрные. Там, наверное, и лютый змей живёт.

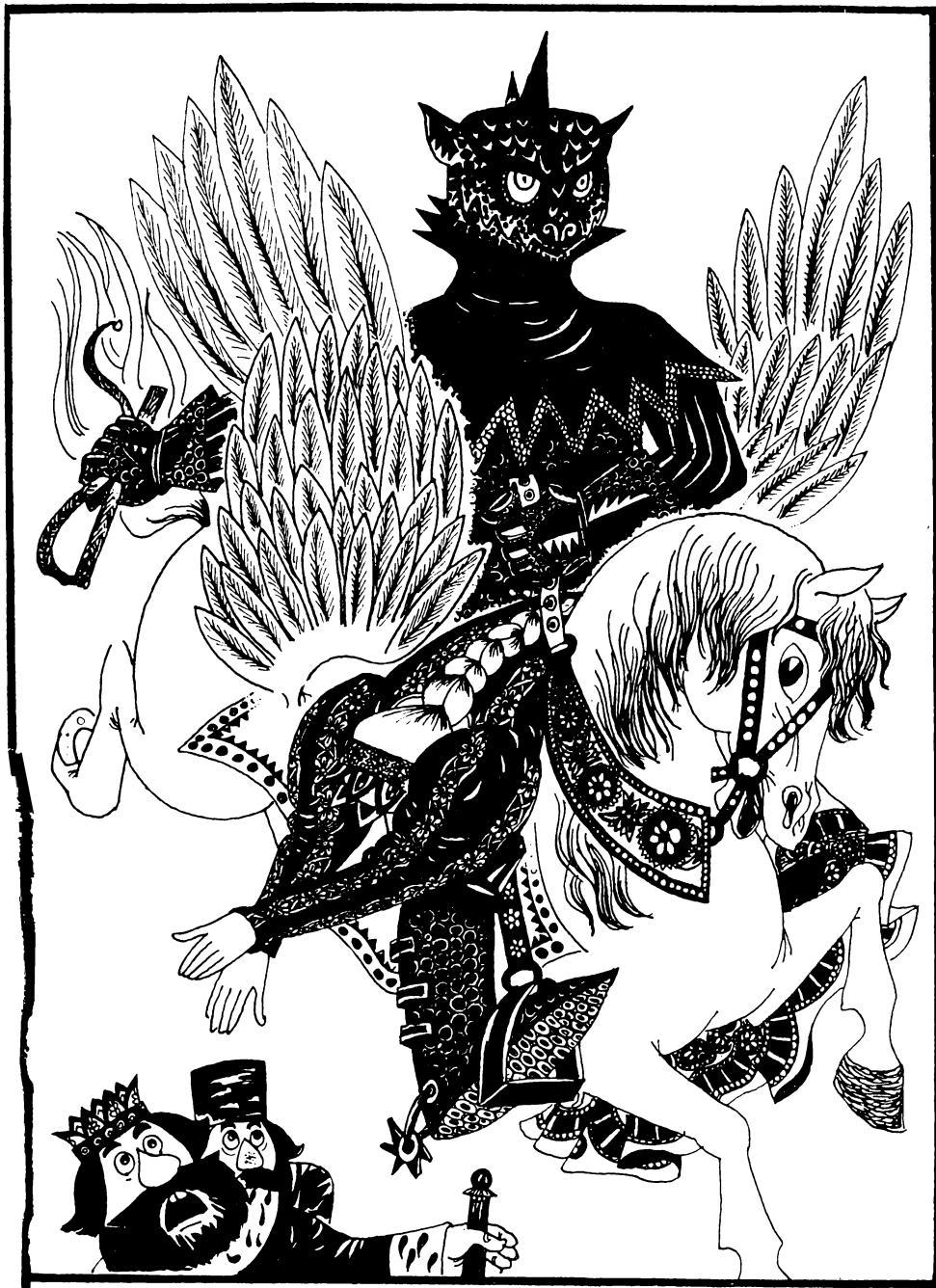
Выехали со двора царевичи молодые на конях могучих, в богатырских доспехах. У каждого меч острый, копье долгомерное и щит надёжный.

Едут братья-царевичи, дней не считают, вёрст не меряют. Едут они туда, откуда ветры дуют студёные, откуда бегут тучи чёрные.

Вот миновали они три царства, перед ними четвёртое лежит. Здесь горы снеговые высятся, под ними ходят тучи чёрные. А вдалеке город стоит.

Едут братья-царевичи и диву даются: нету ни встречных, ни поперечных. Чья земля — и спросить некого. Вот стали к городу подъезжать. Начали попадаться люди. Да только с ними не поговоришь: у всех рты смоляной печатью запечатаны.

Наконец, царевичи подъехали к городу. За глубоким

рвом — стены каменные с башнями стоят. А мост через ров глубокий на железных цепях висит.

Видят братья-царевичи: возле моста нищий калека, кривой, хромой, с клюкой и с сумой, просит милостыню.

Бросили царевичи ему в шапку две монеты серебряные и спрашивают:

— Чей это город?

Нищий выплюнул печать смоляную, которой у него рот запечатан был, и говорит:

— Это город лютого змея.

Обрадовались братья-царевичи, что нашли обидчика, бросили нищему в шапку по золотой монете и спрашивают:

— А отчего у здешних людей уста смоляной печатью запечатаны?

— Рыцарь-Змей велел всем уста запечатать, чтоб народ на бунт не сговаривался и чтоб его лютым змеем никто не называл. Только поесть да попить, можно рот открыть.

— А ты, видать безбоязненный!— сказали братья-царевичи и спросили у нищего, не видал ли он где, не слышал ли чего о русской царевне, Василисе-Красе, золотой косе.

— Здесь она, в городе, во дворце лютого змея слёзы льет,— ответил безбоязненный человек.

Братья-царевичи пустили своих коней вскачь по железному мосту, через ров, прямо в город. Напали на стражу, оставили её неживу.

Вот прискакали они к дворцу Рыцаря-Змея и дивятся: стоит золотой дворец на серебряной спице; крыша самоцветными камнями выложена, как жар горит, чудным светом переливается; а наверх ведут костяные точёные лестницы.

В это время как раз Василиса-Краса из окошечка выглянула. Увидала она братьев своих, обрадовалась, давай кричать, к себе звать!

Братья-царевичи с коней — и бегом к сестре! То-то было радости! То-то слёз да разговоров!

Только вдруг повернулся дворец на серебряной спице, крыльями замахали, засверкали самоцветные кровли.

— Лютый змей домой летит!— закричала царевна.— Скройтесь, скройтесь, мои братья милые!

Рыцарь-Змей прилетел на огненном коне, да как свистнет молодецким посвистом, да как загремит громовым голосом:

— Кто тут жив человек?!

— Это мы, русские царевичи!— вскрикнули братья и за мечи взялись.— Отдай нашу сестру!

— Вон вы кто!— загремел Рыцарь-Змей и крылом о крыло хлопнул.— Вы богатыри, да против меня не бóльшие!

Подхватил он на крыло одного и ударил им другого. Свистнул, гаркнул — прибежали слуги. Подхватили мёртвых царевичей, бросили их в ров.

А царевну, что упала в беспамятстве, Рыцарь-Змей в дальние покои унёс, запер её на семь замков, затворил на семь затворов.

Как опамятовалась Василиса-Краса, залилась слезами горючими. И еды не принимала, и от питья отказывалась — не хотела больше на свете жить.

Прошёл день, прошло два. Царевне-красе не умирать стать, жаль своей красоты, жаль и отца с матерью. На третий день разума послушалась, на четвёртый день покушала. А там стала думать, как ей змея лютого извести, за братьев отомстить.

Хоть и лют был Рыцарь-Змей, но куда его лютости до девичьей хитрости!

Вот однажды заговорила Василиса-царевна с лютым змеем ласково:

— Рыцарь-Змей,— сказала она,— как ни страшен ты ни могуч, но разве нет тебе равного?

— Ещё не пора,— ответил лютый змей.— На р моём написано, будет мне по силе равный Иван-Горохский богатырь. А родится он от горошины.

Рыцарь-Змей сущую правду сказал. Только он л,

что Иван-Горох давно на свет народился. А было это вот как.

Собирала крестьянка горох, глядит — а в грядке мальчонка ворочается. Гладкий, круглый, смотрит весело, смеётся звонко.

Отнесла его крестьянка домой и сделала своим сыном.

Рос Иван-Горох не по дням, а по часам. В десять лет стал могучим богатырём. В одиннадцать не было ему во всём государстве равного.

Вот он палицей в пятьдесят пудов помахивает, копьё мечет выше облака. А силушка его всё растёт, всё прибавляется. Стал Иван-Горох у матери проситься по белому свету погулять, себе равных поискать. Силой помериться. А мать всё его отговаривала: мал-де ещё, не удал пока, и разумом слаб, и силой невелик.

Тогда Иван-Горох отправился к царю Светозару.

— Пусти меня, государь, по свету погулять, равного поискать, силой помериться, а то матушка меня не пускает,— сказал он царю.

— А велика ли твоя сила?— спросил Светозар.

— Дай мне коня самого могучего, какой только у тебя есть — сам увидишь,— сказал Иван-Горох.

Приказал царь Светозар привести из его конюшен коня самого могучего. Привели коня могучего — грива до земли, спина широкая, хоть верхом садись, хоть поперёк ложись. А Иван-Горох на коня руку положил — по самые бабки коня в землю вмял.

— Велика твоя сила,— сказал царь Светозар.— Возьми себе этого коня, возьми мои доспехи богатырские. Поезжай по белому свету, отыщи царевну, дочь мою ненаглядную. Унёс её лютый змей неведомо куда.

Взял Иван-Горох доспехи Светозаровы, попрощался с матерью, сел на коня и поехал по белому свету.

Вот едет он и день, и два. Въехал в тёмный лес. В том лесу избушка на курьих ножках стояла.

— Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом,— сказал Иван-Горох.

Повернулась избушка. Глядит из окна старушка и молвит:

— Кого бог несёт?

— Еду я лютого змея искать, сидой с ним помериться. Не знаешь ли ты к нему дороги?

— Что ты, что ты!— стала старушка его отговаривать.— Лютый змей тебя до смерти забьёт. Вот кабы ты был Иван-Горох.

— Да это я, бабушка,— сказал Иван-Горох.

— Ну, тогда я тебя научу, где лютого змея найти. Триста лет назад он унёс меня молодую — отпустил старую. Только давай уговор: если одолеешь змея лютого, принеси мне воды из его колодца.

Иван-Горох обещал, а старушка его научила:

— Держи путь туда, откуда ветры дуют студёные, откуда бегут тучи чёрные. А как три царства минуешь, в четвёртом город Рыцаря-Змея увидишь.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Миновал Иван-Горох три царства, приехал в четвёртое. Там с гор снеговых дуют ветры студёные, впереди себя гонят тучи чёрные.

Увидел Иван-Горох вдалеке город и к нему поехал.

Попадались ему навстречу люди добрые. Хотел их Иван-Горох расспросить, да у всех на устах были печати железные. Не могли люди ничего сказать.

Вот подъехал Иван-Горох к городу. За рвом глубоким стены каменные с башнями. Возле моста нищий, хромой, кривой, с клюкой и сумой, просит милостыню.

Глядит Иван-Горох — на устах калеки нет печати железной, и его спрашивает:

— Чей это город?

— Змея лютого,— отвечает нищий.

Обрадовался Иван-Горох, что нашёл своего врага. А нищего пожалел:

— Кто тебя, бедный человек, изувечил?

— Рыцарь-Змей на меня прогневался, пёрышком голубиным в меня кинул.

— А за что он на тебя прогневался? — спрашивает Иван-Горох.

— Я кузнец, сковал ему, змею лютому, посох в пятьсот пудов. Пятьдесят силачей лютому змею посох тащили, а я провинился тем, что впереди посоха шёл.

Иван-Горох кузнеца спрашивает:

— Не видал ли где, не слыхал ли чего о царевне Василисе-Красе, золотой косе и двух её братьях-царевичах?

— У лютого змея взаперти царевна Василиса-Краса, золотая коса томится, а братья её, царевичи, во рву гниют.

Иван-Горох духом воспрянул. Нашёл он Василису-Красу! Нашёл лютого змея, злого обидчика. Но взяло его раздумье: «Почему у всех уста железной печатью запечатаны, а у нищего нет?»

На это кузнец ему сказал:

— Бедные люди безбоязненны, а я самый бедный из всех.

Въехал Иван-Горох в город лютого змея, оставил позади себя стражу неживу.

Василиса-Краса, золотая коса в окошко его увидела и слуг послала узнать, кто таков богатырь на коне. Не из русской ли стороны прибыл?

Когда же слуги сказали ей, что прибыл русский богатырь, а назвать себя не хочет, стала она ему в окошечко кричать:

— Беги, богатырь, прочь! Беги! Никто на свете лютого змея не одолеет! Никто змея лютого не победит!

— Не пугай, царевна. Есть на свете люди безбоязненные, — отвечал Иван-Горох. — А вели лучше меня усадить, накормить, напоить.

Приказала Василиса-Краса вынести богатырю барана жареного, целого, и бочку мёду выкатить.

Иван-Горох ведёрко мёду единым духом выпил да, не будь плох, ещё ведро в себя влил. Сел было он на скамью — скамья в щепы разлетелась.

Подивилась Василиса-Краса. Велела внести скамью же-

лезную. Сел на неё Иван-Горох — железная скамья согнулась.

— Ах, богатырь!— воскликнула царица Василиса.— Ведь скамья эта змея лютого, и под ним она не гнулась!

— Ну, видно, я его потяжелее,— усмехнулся Иван-Горох.

Подошёл он к дворцу. Видит: поперёк костяной лестницы железный посох в пятьсот пудов лежит. Взял Иван-Горох посох одной рукой, вверх подкинул. Посох полетел, грозой загредел, выше облака взвился, из глаз скрылся.

Горожане было прочь из города побежали. Думают, когда посох упадёт, все дома развалит. Но Иван-Горох не велел убегать, велел сказать ему, когда посох назад полетит. А сам по костяной точёной лестнице наверх поднялся, семь замков сорвал, семь затворов отворил и на волю царевну Василису вывел.

А между тем горожане, кто из окон, кто из подворотен, глядят в страхе на небо, ждут, когда посох назад полетит. И как появился он в поднебесье, стали Ивану-Гороху руками махать, устами запечатанными мычать.

Иван-Горох шагнул, руку подставил, на лету посох подхватил. Железный посох в пятьсот пудов у него на ладони согнулся.

Иван-Горох его о колено распрямил и на место поставил.

Вдруг послышался страшный свист. Завертелся дворец на серебряной спице. Замахали крыльями самоцветные кровли.

Рыцарь-Змей на огненном коне прилетел домой.

Иван-Горох взял железный посох в пятьсот пудов и встал, стоит.

— Ого-го!— взревел Рыцарь-Змей.— Не Иван ли Горох ко мне пожаловал?

Иван-Горох стоит, ничего не говорит. Только посохом помахивает.

Рыцарь-Змей взревел страшнее прежнего:

— Берегись, Иван-Горох, я тебя на ладонь посажу одной рукой, прихлопну другой — костей не останется!

Послал Рыцарь-Змей огненного коня на Ивана-Гороха и рычит:

— Р-р-расходись, горох, не катайся!

Иван-Горох в ответ:

— Лютый змей, разъезжайся!

Разлетелся Рыцарь-Змей на огненном коне, ударил копьём. Иван-Горох увернулся. Змей метнул копьё железное в сто пудов — промахнулся.

— Теперь я тебя огорошу!— крикнул Иван-Горох.

И железным посохом в пятьсот пудов ударил. Перебил змея лютого надвое, а посох на сто вёрст в землю вогнал.

Потом Иван-Горох положил руку на коня огненного, по самые бабки его в землю вмял.

— Будешь мне правдой служить, конь огненный?— сказал Иван-Горох.— Или раскидать тебя напрочь угольками да головёшками?

— Бу-уду слу-ужить тебе пра-авдой, Иван-Горо-ох!— прогудел конь огненный и дымом пошёл.

А тут горожане сбежались, все смерти лютого змея радуются, печати с уст железных посрывали, обнимаются, во весь дух разговаривают. О разговоре соскучились.

Приметил Иван-Горох среди них калеку-нищего, кузнеца-мастера. Подозвал его и горожанам сказал:

— Вот человек безбоязненный. Слушайтесь его во всём по вашей воле, как Рыцаря-Змея слушались поневоле.

А Василиса-Краса, золотая коса плачет, приговаривает:

— Я живая к отцу-матери вернусь, а братья мои во рву сгниют.

Тут Иван-Горох и вспомнил про старушку в лесной избушке. Велел позвать кузнеца-мастера. Тот ему рассказал.

— Колодец с живой водой был. Рыцарь-Змей из него пил. Оттого и силы у него никогда не убавлялось. А рыли ему колодец земельные мастера, со всего света званные. Только лютый змей никого домой не отпустил, всех убил. И на колодец положил плиту железную в семьсот пудов, чтоб никто из него воду не брал.

Стали колодец искать. Нашли в саду плиту железную в семьсот пудов. Иван-Горох откинул её прочь, набрал большой кувшин живой воды и пошёл ко рву, где братья-царевичи лежали.

Вот плеснул Иван-Горох на царевичей живой водой — вскочили они на ноги живые-здоровые. Тогда отвёл их Иван-Горох к Василисе-Красе, золотой косе и говорит:

— Радуйся, царевна, ожили твои братья любимые!

Василиса-Краса, золотая коса как увидела своих братьев живыми-здоровыми, от радости слова не вымолвила, повисла на них, измочила слезами.

Потом рассказала, как Иван-Горох из родной стороны явился, как он с лютым змеем бился и как её освободил.

Иван-Горох и братья-царевичи с Василисой-Красой на огненного коня сели и помчались домой, в своё царство, русское государство.

Только один-единственный раз придержал в пути Иван-Горох огненного коня. Опустил конь копыта в глухом лесу, возле избушки на курьих ножках. Подошёл Иван-Горох к избушке и молвил:

— Стань, избушка, к лесу задом, ко мне передом.

Повернулась избушка. Видит Иван-Горох: у окошка сидит старушка, голову на руки уронила.

— Ты никак спишь, бабушка?— спросил старушку Иван-Горох.

— Ни сплю ни бодрюсь, ни жива ни мертва. Старая я совсем,— отвечает старушка.

— Я, Иван-Горох, своё слово богатырское сдержал,— сказал Иван-Горох и достал из-за пазухи кувшин с живой водой.

— А не помню я ничего. Какой Иван? Почто принёс горох? Ступай, сынок, не мешай мне смерти дожидаться.

Тогда Иван-Горох взял да и плеснул на старушку живой водой. Встрепенулась старушка и вскочила на ноги красной девицей. Пустилась она на радостях в пляс, избушка на курьих ножках — в перепляс.

Иван-Горох не стал ждать, пока девица-красавица про него вспомнит, сел на огненного коня и пустил его во всю мочь.

Летит огненный конь над лесами, над горами, над морями и долами. Крыльями машет — люди внизу думают: в небе пожар. Стучит копытами по облакам — люди думают: гром. От его гривы ветры буйные завиваются.

Как увидели царь Светозар с царицей своих сыновей-царевичей и дочь любимую живыми, от радости чуть не померли. Было тут обниманье, ликованье великое.

А потом сразу три свадьбы справили. Василиса-Краса, золотая коса вышла замуж за дальнего королевича, на соседних царевнах женились братья-царевичи.

А Иван-Горох остался жить со своей матерью-крестьянкой, которая его в грядке гороховой нашла. О женитьбе не помышлял — рано ему.

Содержание

ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА, ПОЛУНОЧКА — БОГАТЫРИ.	5
СКАЗКА О МОЛОДЦЕ-УДАЛЬЦЕ И ЖИВОЙ ВОДЕ	21
МАРТЫН, ВДОВИЙ СЫН	39
СОЛНЦЕВА СЕСТРА	59
СЕМЬ СЕМИОНОВ	69
ВАНЬКА	81
ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЛЫЙ ПОЛЯНИН	93
МУДРАЯ ЖЕНА	105
СКАЗКА О ВАСИЛИСЕ-КРАСЕ, ЗОЛОТОЙ КОСЕ И ОБ ИВАНЕ-ГОРОХЕ	121

ВОРОБЬЁВ
Владимир Иванович

СКАЗКИ
ПО МОТИВАМ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Для детей
младшего
школьного возраста

Художник С. Можаява

Редактор А. Зебзеева
Художественный редактор М. Тарасова
Технический редактор Т. Дольская
Корректоры И. Пархомовская, Г. Снягина

Сдано в набор 25/XII 1972 г. Подписано в печать 2/VII 1973 г. Формат бумаги тип. № 2 70×90^{1/16}. Печ. л. 8,5 (усл.-прив. л. 9,945), бум. л. 4,25; уч.-изд. л. 7,46. Тираж 100 000 экз. Цена в переплете № 5 42 коп., в переплете № 4 с припрессовкой пленки 61 коп. Темплан 1973 г. Изд. № 39. Пермское книжное издательство. 614 000. г. Пермь, ул. Карла Маркса, 30. Издательство газеты «Звезда». г. Пермь, ул. Дружбы, 34. Зак. 787.

ВОРОБЬЕВ В. И.
С42 Сказки по мотивам русского фольклора. Пермь, Кн. изд-во,
1973.

133 с.

Сборник сказок, созданных по мотивам русского фольклора, для
младшего возраста.

РФ

В 0762—48
М 152 (03) — 73 39 — 73

Цена 42 коп.

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1973 г.